

Павел Кочемаров

РУССКИЕ ЦИКЛЫ

aegitas

Павел Васильевич Кочемаров

Русские циклы

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41480282
Русские циклы: Aegitas; Москва; 2018
ISBN 978-1-77313-986-9

Аннотация

В книге «Русские циклы» даётся обзор хода всей русской истории от зарождения славян до наших дней. Автор применяет свою оригинальную трактовку теории этногенеза к исследованию истории России. Благодаря новому методу, длинная череда исторических событий – подъёмов и упадков государства, войн и восстаний, народных бедствий, поражений и побед, – обретает внутреннюю логику, складывается в закономерно сменяющие друг друга фазы и циклы. Постепенно выявляется внутренний ритм истории великой страны и создавшего её народа. Для всех любителей русской истории.

Содержание

Введение	5
Глава первая. Предыстория. Славяне	16
Глава вторая. Древняя Русь	44
Поляне и Русь	44
Несколько слов по поводу старого спора	62
Мифологическая генеалогия русского имени	76
Русский каганат	82
Конец ознакомительного фрагмента.	90

П. В. Кочемаров

Русские циклы

© Издательство «Aegitas», 2018

Введение

Под русским этногенезом в данной работе подразумевается историческое развитие этнонациональной общности, представители которой именовали и именуют себя русами, русинами, русичами, русаками, русскими. Эта общность зародилась и сформировалась на Восточно-Европейской (Русской) равнине. Она имеет за плечами, как минимум, одиннадцать веков исторического существования и национальной памяти.

Русская этнонациональная общность представляет собой сложный по составу этнический комплекс, прошедший несколько этапов своего становления. Подробная история развития всех составляющих этого комплекса, их взаимосвязей и отношений способна наполнить многотомное собрание и вряд ли по силам одному человеку. Передо мной стояла более скромная задача – наметить и проследить основные вехи и закономерности существования русской этнической общности. В работе делается попытка дать целостную концепцию русской истории: от её начала и – открытую в будущее.

Теоретической базой настоящей работы послужила теория этногенеза Льва Гумилёва. Как известно, Лев Гумилёв положил начало рассмотрению истории стран и народов, как процессу закономерной смены фаз этногенеза этих народов.

Оригинальность подхода Гумилёва заключалась в том, что он сосредоточил внимание не на событиях и явлениях, продуктах культурно-исторического процесса, – а на глубинных силах, которые их вызывают к жизни. В традициях русской культурно-исторической школы философии истории, он искал эти силы не в социальных отношениях, а в национальной (этнической) стихии. По мнению Льва Гумилёва, в основе всякой исторической активности лежит энергия этноса – пассионарность.

Теория этногенеза Гумилёва, позволяющая взглянуть на историю в новом и важном аспекте, очень меня заинтересовала, показалась весьма плодотворной. Однако применение её положений к конкретному историческому материалу скоро породило чувство неудовлетворённости. Постепенно обнаруживались вопросы и неувязки, крупные упущения в теоретических построениях. В конце концов, я вплотную занялся этой темой и постарался, в меру сил, разрешить обнаруженные проблемы. Где-то пришлось дополнить гумилевскую теорию, где-то исправить, кое-что исключить, что-то переосмыслить. В результате такой переработки появилась обновлённая теория процесса этногенеза, которая и легла в основу данной работы. Положения новой теории подробно изложены в другой работе, специально этому посвящённой¹. Здесь же эти положения на практике применяются к разработке и осмыслению истории русского народа.

---

¹ Кочемаров П.В. Энергетика истории. М.: Грифон, 2017.

Полагаю, что пересказывать теорию Льва Гумилёва нет необходимости, она широко известна. Несравненно менее известны коррективы, внесённые мною в данную теорию. Поэтому есть смысл кратко обозначить важнейшие из них. Перечень фаз этногенеза в основном сохранён по Гумилёву, за одним важным исключением – упразднена так называемая акматическая фаза. Ближайшее рассмотрение этого вопроса позволяет сделать вывод, что акматическая фаза по всем своим качественным характеристикам ничем не отличается от фазы надлома, фактически, просто её дублирует и, тем самым, вносит сумбур в описание процесса этногенеза. Поэтому акматическая фаза исключена из схемы этногенеза как построение ошибочное и мнимое. В окончательном виде перечень фаз выглядит следующим образом – фаза подъёма, фаза надлома, фаза инерции, фаза обскурации, мемориальная фаза. Продолжительность фазы подъёма – 300 лет, следующих за ней фаз, в среднем, – по 200 лет; мемориальная фаза при наличии благоприятных условий продолжается неопределённо долго.

Переосмыслению подверглось понятие этнической химеры. Лев Гумилёв под химерой понимал сочетание двух различных этносов в рамках одной этнополитической структуры. Например, немецкие рыцарские ордена в Прибалтике и её коренное население.

Или болгарская орда в низовьях Дуная и подвластные ей славяне. В таких случаях один этнос господствует над дру-

гим, подавляет его и эксплуатирует в своих интересах. Химера получается, скорее, в плане социально-политическом, нежели в этническом. Поскольку этносы остаются сами собой, если только один не поглотит со временем другой. Но в последнем случае останется только один этнос, а химера исчезнет.

Автором предлагается другая концепция химеры – как временного симбиоза этноса и антисистемы. В этом случае химера возникает в рамках одного этноса в результате взаимодействия антисистемной общности и этноса. Каким образом такое может быть? Например, если какая-либо секта, исповедующая негативную систему, захватит и удержит на более или менее продолжительное время власть в стране. Химера возникает в процессе взаимодействия такой секты и подвластного ей этноса.

Другое важное отличие от теории Гумилёва состоит в том, что график этногенеза, последовательная смена его фаз определяется не одним, а двумя параметрами. Лев Гумилёв пытался истолковать закономерную смену фаз этногенеза посредством только одного фактора – пассионарности. Но достаточно одного внимательного взгляда на график кривой этногенеза, чтобы убедиться в невозможности такого истолкования.

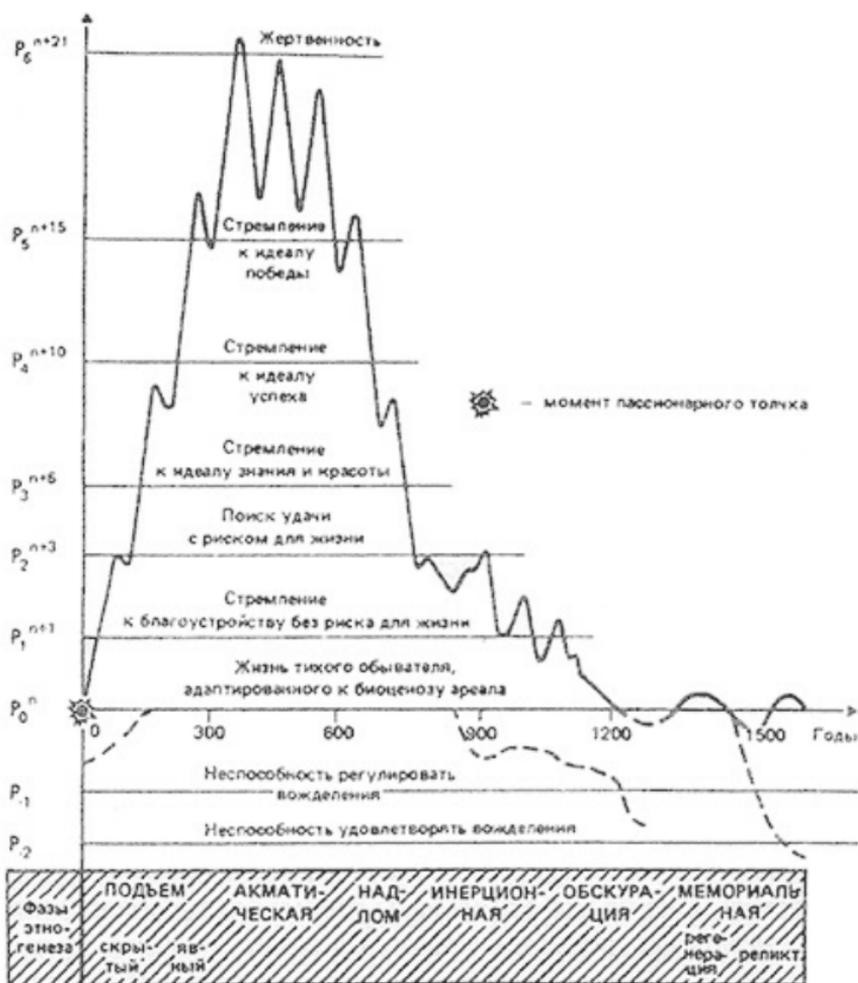

Рис. 1

Прямые, проведённые параллельно оси абсцисс (времени) пересекают кривую графика в двух точках каждая. В обеих точках значение пассионарности равны, а состояния, в которых находится этнос, различны (за исключением вершины графика). Таким образом, ясно, что адекватное объяснение графика с помощью только одного параметра невозможно.

Для решения возникшей проблемы был найден ещё один параметр, определяющий смену состояний этноса при переходе из одной фазы в другую. В новом варианте теории этногенеза его график определяется изменением напряжённости этнического поля (уровня пассионарности этноса) и уровнем витальности этноса. Понятие витальности отдельного человека или этноса в целом, вновь введённое в теорию этногенеза, означает способность организма вырабатывать энергию жизнедеятельности. Витальность определяет степень биологической выносливости и жизнестойкости индивидов, составляющих этнос. Уровень витальности этноса постоянно закономерно изменяется в процессе этногенеза, понижается и повышается. Длительная усиленная эксплуатация физических возможностей организма приводит к истощению и витальной деградации, в результате чего уровень витальности этноса понижается. И наоборот, снятие чрезмерной нагрузки способствует восстановлению витальности с течением времени. Колебания уровня витальности во многом определяют изменение состояния этноса в процессе этногенеза.

Помимо уровня витальности, существование этноса определяется наличием этнического поля, которое характеризуется уровнем напряжённости и оригинальным для каждого этноса ритмом. Напряжённость этнического поля в процессе этногенеза резко нарастает в самом начале, а затем постепенно рассеивается. С понижением уровня этнического напряжения этнос слабеет вплоть до полного исчезновения. Падение этнической напряжённости проявляется среди членов этнической общности как ослабление непосредственного этнического чувства. Это составляет содержание обскурационного процесса (ослабления, умирания, потемнения этнического сознания).

Этническое поле воздействует на всех людей, принадлежащих к данному этносу, соответствующим образом определяя их мироощущение и поведение. Воздействие этнического поля на человека порождает эффект пассионарности – жертвенного поведения. Энергия этнического поля тождественна пассионарной энергии (по терминологии Гумилёва). Люди, подверженные его влиянию в более сильной степени – этнически напряжённые индивиды, называются пассионариями. Людей, подверженных его воздействию в слабой степени, Гумилёв именует субпассионариями. По нашей терминологии они называются (этническими) обскурантами, – в соответствии с названием обскурационного процесса, продуктом которого они являются.

Сочетания изменений уровней двух означенных парамет-

ров – этнической напряжённости и витальности, вполне достаточно для адекватного описания процесса этногенеза. Таким образом, эта проблема, одно из самых слабых мест теории Гумилёва, была разрешена.

Уровень витальности наиболее высок в момент этнического толчка. Поскольку существование нового сильного этноса связано со сверхнапряжением в достижении пассионарных целей, витальность этноса по мере течения этногенеза понижается. Это означает, что членам этноса необходимо всё больше материальных благ для удовлетворения своих жизненных запросов. Этнос пытается компенсировать растущую нехватку путём захвата ресурсов во внешнем мире, – начинается экспансия этноса, расширение этнической территории.

До тех пор, пока экспансия проходит успешно и удовлетворяет потребности этноса, в нём поддерживается состояние стабильности, внутреннего мира. Но как только экспансия останавливается или тормозится, поглощая гораздо больше усилий, чем даёт результатов, – внутриэтническая ситуация тут же обостряется. Подъём сменяется надломом. Жизненная неудовлетворённость, не находя выхода во вне, обостряет конкуренцию за жизненные блага внутри этнического коллектива. Он раскалывается на группировки и вступает во взаимное противоборство. На почве витального голода начинается жестокая внутренняя борьба, выливающаяся в мятежи, восстания, гражданские войны. Так продол-

жается до тех пор, пока баланс витальности этноса и получаемых жизненных благ не восстановится до приемлемого уровня, удовлетворяющего большинство этнического коллектива. Восстановлению способствует также массовая гибель наиболее амбициозных индивидов этноса. Тогда наступает фаза инерции.

В фазе надлома уровень пассионарности существенно понижается, по причине чего значительно уменьшается способность этноса к внешнему расширению и его внутренняя цельность. Теперь он живёт за счёт освоения ресурсов, приобретённых в предыдущих двух фазах. Обычно их хватает для двух веков стабильного развития, создания обширного материального и культурного достояния. Однако витальные ресурсы этноса в процессе строительства цивилизации постепенно истощаются под грузом постоянной эксплуатации, также как и природные ресурсы ограниченной этнической территории. Вновь начинается витальный голод, повышающий агрессивность этноса в отношении внешнего мира и обостряющий внутренние противоречия. В обскурационной фазе экспансия усиливается. Но из-за падения уровня пассионарности этнос уже не способен ассимилировать захваченное пространство даже в случае успеха экспансии. Созданные в фазе обскурации империи недолговечны, с окончанием этой фазы их ждёт распад. При неудаче же экспансии происходят жестокие внутренние конфликты, сопровождающиеся большим кровопролитием.

В конце фазы обскурации напряжённость этнического поля падает настолько, что этнос в массе своей распадается на разъединённых индивидуумов – обывателей, ведущих частную жизнь. Его великая историческая роль окончена. Зато его ослабевшая социально-политическая структура перестаёт чрезмерно давить на людей, и витальность этноса постепенно восстанавливается. Это мемориальная фаза, постепенно сгущающиеся сумерки этнического сознания. Пассионарность рассеивается, а витальность периодически колеблется в зависимости от обстоятельств.

Такова вкратце общая схема этногенеза на базе изменений в ходе него уровней пассионарности и витальности этноса. Она представлена графически на рисунке 2. Применение этой схемы к анализу русской истории лежит в основе данной работы. А что из этого получилось, узнает тот, кто станет читать дальше.

Рис. 2

Глава первая.

Предыстория. Славяне

Древнерусский этнос возник на основе различных этносов, обитавших на равнине, которую позднее назовут по имени народа её населяющего – Русской. Эти старые этносы служили для него материалом, субстратом, – и среди них важнейшее место занимали славяне. А поскольку русский этнос является славяноязычным и после своего возникновения распространялся главным образом на славянское и славянизированное население, – то русскую историю стали воспринимать как прямое продолжение славянской, а русский этногенез – как продолжение, а то и завершение (Гумилёв) славянского этногенеза. В известном смысле это совершенно верно. Но едва ли так, как это представил Лев Гумилёв. Напомню, в своей работе «От Руси до России» Гумилёв нахлобучил древнерусский этногенез на славянский, объединил их в одно, – так что русичи стали завершением этногенеза славян, а славяне – началом древних русичей.

Чтобы убедиться в явной ошибочности подобной конструкции, достаточно взглянуть на карту Восточной Европы. Сравним основные особенности развития двух этносов – славян и древних русичей, в их географическом измерении. Место зарождения славян, по совокупности данных раз-

личных исторических дисциплин, Висло-Одерский регион – бассейн верхней и средней Вислы и верховья Одры. Место зарождения древнерусского этноса – Среднее Поднепровье. Месторазвитие славянского этноса – лесная полоса от верховий Одры до среднего Поднепровья, ограниченная с севера средним течением Вислы и рекою Припять, а с юга – Карпатами и причерноморской степью. Месторазвитие древнерусского этноса – Восточно-Европейская (Русская) равнина: от Карпат и причерноморских степей на юге до Балтийского и Белого морей на севере; от Галичины и Побужья на западе до верховий Волги и Дона (включительно) на востоке. Экспансия славянского этноса распространялась на восток, на юг и на запад. Причём, основными направлениями были два последние – на юг, в пределы Византийской (Ромейской) империи, и на запад – на земли оставленные германцами и другими народами, переселившимися в пределы Западной Римской империи. Экспансия русичей происходила, главным образом, на восток и на север, в необозримые лесные просторы малозаселённой Русской равнины. Таким образом, перед нами два хотя и преемственно родственных, но совершенно различных этноса с полным набором своих собственных этапов этногенеза для каждого из них.

Итак, приступим к выяснению конкретных этапов и фаз собственно славянского этногенеза. Дело это совсем не простое. Главное затруднение в том, что надёжные сообщения о славянах начинают поступать только с VI века н. э. сначала

ла от византийских, а затем и от западноевропейских и арабских авторов. О более ранней истории славян мы можем судить только предположительно по единичным недостаточно ясным свидетельствам античных источников, а главным образом по данным археологии и лингвистики.

В результате многолетних исследований происхождения славян, предполагаемая территория их месторазвития заметно сузилась. В ходе этой работы пришлось отказаться от летописной теории дунайской прародины и от карпатского происхождения, не говоря уже о попытках вывести славян из Азии. Было установлено, что славяне возникли в области к северу и северо-востоку от Карпатских гор, где-то в полосе от верховьев Вислы до Среднего Поднепровья. Изучение древнейшей общеславянской лексики показало, что прирождёнными стихиями славянского этноса были лесная и водная: леса, реки, озёра, болота. В общеславянском языке богато представлены растения смешанных лесов умеренной полосы и их обитатели, разнообразные формы водно-лесного ландшафта. Этому соответствует и характер славянской мифологии с её лешими, водяными, русалками и прочими существами водно-лесного мира. Лесовиками описывают славян и первые дошедшие до нас известия о них античных авторов. В то же время древним славянам чужды были стихии моря, степи и гор. Они не знали их обитателей, не имели развитого словаря для обозначения особенностей их рельефа².

---

² Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л.: Изд. АН СССР,

Время возникновения славянского этноса обычными историческими методами определить трудно. Славяне возникли вдали от центров цивилизации, своей письменности не имели, – поэтому о ранней поре их существования сведений почти нет. Имеются лишь рассказы Геродота о каких-то племенах к северу от Чёрного моря, но об их этническом облике ничего определённого утверждать невозможно. Археологические материалы важны, но только сами по себе, без дополнительных сведений мало чем могут помочь. Привязка славян к той или другой археологической культуре вещь ненадёжная: нередко одному и тому же этносу соответствует несколько таких культур; а бывает, что и одна культура распространяется на несколько этносов.

Здесь нам и приходит на помощь схема этногенеза. В истории славянства была одна весьма бурная эпоха, составившая одну из самых ярких глав раннего европейского Средневековья. Речь идёт о вторжениях славян в пределы Восточной Римской империи, которые происходили на протяжении почти всего VI и большей части VII веков. Славяне прошли насквозь балканские провинции империи – от Дуная до Эгейского моря, большую часть их заселили, поселились даже на южной оконечности Балкан – Пелопоннесе, атаковали острова восточного Средиземноморья, высадились на побережье Италии и Малой Азии. В то же самое время славяне заняли обширные территории центральной Европы вплоть

до Эльбы и Восточных Альпов. С другой стороны своего ареала славяне активно продвигались и осваивали просторы Восточно-Европейской равнины.

Такая мощная экспансия в процессе этногенеза может происходить только в период подъёма-надлома либо в фазе обскурации. В данном случае перед нами явно обскурационная фаза. Это ясно видно из того, что означенные события были последним активным действием славянства как целого в истории. В дальнейшем оно перестаёт существовать как единая целость. Далее в истории действуют уже не славяне, но «славянские народы», т. е. славяноязычные новые этносы, возникшие на основе слияния расселившихся славян с различными местными племенами. Многие из этих славянских народов сохранили живую память о своём родстве и былом единстве. Можно считать, что славянский этнос продолжил своё существование в этих новых этносах в мемориальной фазе. Но реальное славянское единство распадается навсегда.

Во многих регионах, где славяне в ходе своей экспансии завоевали господствующее положение, – они, в конце концов, были ассимилированы. Так произошло в Пелопоннесе и других районах Греции, в Дакии и Паннонии, в бассейне Эльбы и Одры. Это явление указывает на значительный спад этнической напряжённости в среде славян, что характерно для завершающего этапа этногенеза.

Итак, в VI и VII веках славянский этнос пребывал в фа-

зе обскурации. Из этого надёжно установленного факта мы и будем исходить в своих построениях. Но если VI и VII века были для славян фазой обскурации, то тогда этнический толчок, положивший начало славянскому этносу, можно предположительно отнести ко времени за три-четыре века до Рождества Христова. Эту датировку мы и будем использовать в качестве ориентира. Несомненно, что славяне в свою очередь имели этнических предков. Вероятно, ранее существовали какие-то праславянские общности. Но далее вглубь истории мы не пойдём. Для нашей цели это не требуется. Да и глубже – тема становится совсем уже темной, и что-либо утверждать можно только гадательно.

Посмотрим теперь, насколько наша датировка этнического толчка, положившего начало славянскому этносу, согласуется с данными науки. Известный языковед М. Фасмер определял образование славянского языка временем около 400 года до н. э. Крупный отечественный филолог-славист Ф.М. Филин отмечал, что хотя начало славянства не может быть с точностью установлено, но «мы можем быть уверены в том, что праславянский язык в I тысячелетии н. э. и в века непосредственно предшествующие нашей эре, несомненно, существовал³». Примерно к той же датировке пришёл крупнейший польский славист Т. Лер-Сплавинский. По его версии славяне окончательно складываются где-

---

³ Филин Ф.П. К проблеме происхождения славянских языков. В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 381.

то в середине I тысячелетия до н. э. Выдающийся советский и российский археолог В.В. Седов принимает за начало славян культуру подклошевых погребений (400-100 годы до н. э.), развивавшейся в бассейнах средней и частично верхней Вислы и Варты. Своё наименование культура получила по характерному обычаю накрывать остатки трупосожжений большим колоколовидным сосудом-клошом, перевёрнутым вверх дном. Эта культура возникла в результате миграции населения поморской культуры на юг и юго-восток, на территорию восточной части ареала центрально-европейской лужицкой культуры, и последующего слияния поморских племён с местным лужицким населением. С этого времени, отмечает Седов, можно выявить культурную преемственность вплоть до достоверно славянских древностей раннего средневековья. Подкрепляют версию висло-одерской прародины славянского этноса наблюдения польских учёных над славянской топонимикой. На пространстве между Одером и Днепром Т. Лер-Сплавинский выделил зону первичной гидронимии в бассейне Вислы и Одры и зону производной гидронимии в Среднем Поднепровье.

Таким образом, славянский этнос возникает на субстрате из восточных лужичан, в которых видят древних праславян и поморцев, предположительно западных балтов по этническому происхождению. В пользу того, что праславяне входили некогда в ареал лужицкой культуры говорит общность происхождения их ремесленной лексики с другими

центрально-европейскими этносами – германцами и италиками⁴. Надо сказать, что балты по этому критерию резко отличаются от центрально-европейских племён. Это говорит о том, что балтский этнос развивался где-то в стороне от Центральной Европы, и делает гипотезу древнего балто-славянского единства весьма сомнительной. Возникновение культуры подклошových погребений приблизительно совпадает с гипотетической датой славянского этнического толчка по теории этногенеза.

Время существования культуры подклошových погребений приходится на фазу подъёма славянского этноса. На позднем этапе своего существования эта культура распространяется до среднего течения Одера на западе и Припятского Полесья и Волыни на востоке. Но ещё до того как подклошова культура закончила своё существование, во II веке до н. э. в её ареале складывается новая пшеворская культура, а восточнее – в Среднем Поднепровье – Зарубинецкая. Обе культуры были родственны подклошовой и поморской, обе сформировались под сильным кельтским влиянием. И ту и другую большинство исследователей связывают преимущественно со славянами, хотя в их генезисе принимали участие и другие племена.

Кельты в III веке до н. э. расселились в Силезии и верхнем течении Вислы и таким образом вступили в соприкосновение со славянами. Яркая кельтская культура оказала мощное

---

⁴ Трубочёв О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

влияние на славян и значительно способствовала их культурному подъёму. Особенно велико оно было в сфере ремесла – металлообработка, керамика славян явно выработались под кельтским влиянием. И оно не ограничилось только сферой материальной культуры, но оставило явственные следы и в духовной жизни. Языческое храмовое зодчество западных славян сложилось во многом под влиянием кельтов.

Но при всём том, значительно превосходящие славян по уровню культуры и оказавшие на них столь сильное культурное влияние кельты, были вскоре поглощены славянами! Находившиеся в фазе подъёма славяне были бедны культурно, но сильны этнически. Восприняв многие элементы кельтской культуры, они, в конце концов, полностью ассимилировали своих учителей (к концу I века до н. э. на всей территории Польши), распространившись на принадлежавшие кельтам земли среднего Одера. Таким образом, на вершине подъёма славяне занимают территорию от бассейна Одера до Среднего Поднепровья. В Поднепровье, на Волыни, к югу от Припяти славяне, вероятно, встретили родственные праславянские племена, в среде которых новая культура распространилась быстро и без сопротивления.

Ещё одним народом, оказавшим большое влияние на славян в фазе подъёма, было германское племя бастарнов, расселившееся в Поднепровье. Бастарны также находились под сильным культурным влиянием кельтов и во многом транслировали это влияние в среду соседнего с ними зарубинец-

кого славянского населения. Славяне вполне могли принимать участие в походах бастарнов за Дунай. И возможно с этим связано распространение каких-то элементов латенской (кельтской) культуры среди зарубинцев. Во всяком случае, образцы излюбленных ими фибул находятся на севере Балкан – в Иллирии⁵.

Где-то на рубеже нашей эры славянский этнос переходит в фазу надлома. Данная фаза характеризуется резким усилением тяги этноса к территориальной экспансии. Распространяется это правило и на славян. Надо сказать, что славяне на протяжении большей части своей истории предстают как этнос мирный, невоинственный. В древних славянских захоронениях встречается мало оружия. Византийский автор Иоанн Эфесский писал даже, что ранее (до VI века) славяне «не знали оружия и не дерзали показываться из лесов». Это конечно преувеличение, но весьма характерное. К тому же по своей политической структуре славяне были чрезвычайно децентрализованы, раздроблены на многочисленные племена. Поэтому в ходе своей экспансии славяне не могли концентрировать большие силы для преодоления серьёзных препятствий в виде сильных этносов. Натыкаясь на такие препятствия, их продвижение приостанавливалось, обтекало возникшие преграды. Славяне распространялись по-

---

⁵ Пачкова С.П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. К., 2006. С. 223–224.

степенно, по линии наименьшего сопротивления. Быстро занимали они только территории, оставленные прежними обитателями, переселившимися в другие места.

И всё же, значительное усиление активности славян в фазе надлома не осталось незамеченным в тогдашнем цивилизованном мире. Именно от этой эпохи до нас дошли первые сообщения античных авторов о славянах. Первоначально они стали известны под именем «венедов». Этноним «венеды» весьма древний. Первое упоминание народа с таким названием встречается ещё у Гомера. Гомеровские «энеты» жили во II тысячелетии до н. э. в Пафлагонии, приморской области на севере Малой Азии и были союзниками троянцев. Затем венеты появляются на северном берегу Адриатического моря, где впоследствии была основана знаменитая Венеция. По мнению Геродота, эти венеты были иллирийцами, по мнению Страбона – кельтами. Полибий сообщает, что хотя адриатические венеты в отношении «нравов и одежды мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым» (Полибий Всеобщая история в 40 книгах, II, 17; 5;6). Также известны были в римскую эпоху венеты в Бретани (Арморика) в Галлии. Проживавшие в приморских областях венеты всюду были известны как искусные мореплаватели и торговцы. Имя тех же венетов можно услышать и в сообщениях мореплавателя Пифея из Массалии (IV век до н. э.), обогнувшего на своём корабле Западную Европу и достигшего «страны янтаря». Здесь, на побережье Балтийского моря он повстре-

чал неких гвинонов. Таким образом, имя венетов в древности носили какие-то индоевропейские племена, по всей видимости, иллирийцы, а быть может и ещё более древние народности. Это имя было перенесено и на славян их соседями – германцами и кельтами. От них оно стало известно античным авторам.

Впервые венеды появляются на страницах «Естественной истории» Плиния Старшего, погибшего при извержении Везувия в 79 году н. э. В одном месте он передаёт рассказ другого римского автора о купцах-индах, которых буря прибила к побережью Германии в 58 году н. э. В другом месте замечает: «Некоторые передают, что она населена вплоть до реки Вистулы сарматами, венедами, скирами, хиррами...» (Плиний. Естественная история, IV, 13, 97). Речь идёт о бассейне Вислы.

Затем о венедах упоминает римский писатель Тацит (умер в 120 году н. э.): «Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к гер-

манцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Тацит. Германия, 46). Певкины – бастарны жили на нижнем Дунае. Следовательно, Тацит отводил венедам всё пространство от финских лесов до низовий Дуная, частью и Карпаты (так как речь идёт о горах), и от Германии до Сарматии.

В последующее время венедев упоминает в своих трудах географ второй половины II века н. э. Клавдий Птолемей: «Сарматию ограничивают великие племена; венеда по всему Венедскому заливу, а к северу от Дакии – певкины и бастерны, и со всех сторон Меотиды – языги и роксоланы, а возле них – амаксобии и алано-скифы». «По реке Висле под венедами [живут] гутоны, затем финны, затем сулоны». Ещё в одном месте Птолемей говорит о «*Венедских горах*» (по-видимому, Карпаты) (Птолемей. География, III, 5,7; III, 5,1)

Этноним венеда находим также в Певтингеровых дорожных таблицах, римский источник III века н. э. Здесь венеда упоминаются дважды. Первый раз венеда-сарматы помещаются между Балтийским морем и Альпами Бастарнскими, т. е. Карпатами. И второй раз рядом с гетами и даками, между низовьем Дуная и Днестром.

Таким образом, по сведениям античных авторов венеда-славяне в фазе надлома I–II века н. э. расселяются по всему бассейну реки Висла и выходят к побережью Балтий-

ского моря. С другой стороны славяне заселяют Прикарпатье и проникают в Карпатские горы. Славяне-венеды поселяются между Дунаем и Днестром – там, где несколько веков спустя станут известны славяне-анты. Добавим к этому, что пшеворская культура на позднем этапе своего существования переваливает Карпаты и распространяется в бассейне Тисы. А зарубинецкие племена активно осваивают лесные просторы Поднепровья и Поддесенья (отток населения на север был вызван опустошительными нападениями сарматов на поселения в Среднем Поднепровье). Территория славянского этноса в фазе надлома значительно расширяется.

Нельзя также не обратить внимание на следы раннего появления славян на среднем Дунае, в Иллирии и Трансильвании. Широко известен рассказ Начальной летописи о том, что славяне жили на Дунае «где есть ныне Угорская земля и Болгарская». Затем на них напали «волхи» (кто такие точно неизвестно), сели среди них и начали их угнетать. Поэтому славяне разошлись с Дуная в разные стороны и поселились в тех местах, где они обретались во времена близкие к составлению летописи – по Висле, по Днепру и т. д. Этот летописный рассказ стал основой гипотезы о дунайской прародине славян. Совокупность всех известных фактов славянской истории эту гипотезу не подтверждает, и большинство историков уже давно от неё отказалось. Однако возможно в основе летописного рассказа лежат вполне реальные события, лишь неверно истолкованные составителем летописи. Следы ран-

него пребывания славян в Карпатах и на Дунае зафиксированы в римском пейтингеровом дорожном справочнике, донёвшем до нас информацию от первых веков нашей эры. В нём содержатся названия рек, озёр и селений явно славянского происхождения: реки Вука и Врбас на Драве и Саве (Иллирия), река Брзава ниже по Дунаю, за Тисой; река Матка в западной части Трансильвании, Черна (река и населённый пункт); колония Черна упоминается в римских источниках со II века н. э.; река Залатна (во II веке н. э. на ней находилась римская колония Апула). Эти и другие названия, зафиксированные римскими источниками, свидетельствуют о том, что в первые века нашей эры славяне уже заселили отдельные районы Подунавья и Дакии.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о событиях того времени за пределами границ цивилизованного мира. Картину событий приходится восстанавливать большей частью путём догадок. События летописного рассказа могли бы относиться к столкновению славян с римлянами во времена завоевания Дакии императором Траяном и последующим римским правлением этой областью. Выводы теории этногенеза полностью согласуются с летописным источником. Фаза надлома – эпоха усиленной экспансии этноса, так что перемещение в этот период крупных отрядов славянства на Дунай совсем не удивительно. Их тех же событий в славянский эпос вошла полумифическая фигура Траяна.

Версия соблазнительная. Но, по здравом размышлении я

бы не стал приводить ПВЛ в подкрепление раннего присутствия славян на Дунае. Дело в том, что летописный рассказ имеет характер довольно свежего исторического воспоминания. Скорее всего, в нём отразились события рубежа VIII–IX веков, когда после разгрома Аварского каганата император Карл Великий организовал на Среднем Дунае Паннонскую марку. Его франки, по всей видимости, и были теми самыми «волхами», которые сели среди славян и стали их угнетать пуще аварского ига. От нового франкского ига значительная часть проживавших в Паннонии славян разошлась в разные концы славянского мира. Возможно, именно эта волна славянского переселения привела на Русскую равнину радимичей и вятичей, поселившихся на своих местах в сравнительно недавнее от летописца время. Те и другие, по его словам, пришли «от лях», т. е. с запада. Итак, не станем в данном случае опираться на сведения ПВЛ. Свидетельства древнего присутствия славян на Дунае имеются и без неё.

К моменту вторжения Траяна славян на Дунае и в Дакии было, видимо, уже немало. В то время на этой территории существовала могущественная держава даков во главе с Децебалом. Она объединяла различные племена по левому берегу Дуная. Децебал был врагом римлян, а значит – другом «варваров», пополнявших его военные силы. Есть одно любопытное свидетельство о тесных связях Децебала с прикарпатскими племенами. Когда Траян выступил в поход на даков и перешёл Дунай, то на одном из первых постов он по-

лучил странное предупреждение. Племя буров с Вислы прислало ему огромный гриб, на котором латинскими буквами был написан совет обратиться за Дунай и оставить Децебала в покое⁶. Буры – германское племя, жившее по соседству со славянами в верховьях Вислы.

То, что римские источники, как правило, молчат о славянах не должно смущать. Во-первых, самих источников дошло до нас от этого времени совсем мало. Во-вторых, римляне довольно плохо разбирались в этническом происхождении варваров. Обычно вся их масса называлась по господствующему племени, в дальнейший разбор не входили. Славяне в то время не играли первых ролей и не выделялись для римлян из общей массы «даков», «готов», «скифов» или «сарматов». Впрочем, одно свидетельство всё же есть. Римский император Волузиан (251–253) получил титул «Венедский» за поход в Дакию.

После завоевания Дакии римлянами значительная часть из поселившихся там прежде славян, видимо, ушла обратно на север, за Карпаты, и расселилась среди своих соплеменников, разнося рассказы о благодатных дунайских землях и великой европейской реке во всех концах славянского мира.

Уже с первых веков нашей эры, по-видимому, можно говорить о становлении славянского суперэтноса. В ходе экспансии фаз подъёма-надлома славяне заняли обширную тер-

---

⁶ Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб.: Алетейя, 1999. С. 267.

риторию Восточной Европы. В пределах славянского расселения оказались отдельные части балтского, кельтского, иранского и других этносов. Всё это иноэтническое население жило бок о бок со славянами, постепенно переходя на славянский язык и со своей стороны оказывая на славян этнокультурное влияние. Так в разных концах славянского мира возникали своеобразные местные варианты единой общности. Созданию суперэтноса много помогала терпимость и уживчивость славян, которые легко вступали в контакт с другими народами, относились к их представителям как к равным себе. Псевдо-Маврикий особо отмечает, что в отличие от других племён, славяне не держали в рабстве захваченных чужеземцев неограниченное время, но по истечении определённого срока либо отпускали их за выкуп, либо предлагали остаться и жить среди них на положении свободных и друзей (XI, 5). Там же повествуется об удивительном славянском гостиприимстве. К VI веку славянский суперэтнос был уже сложившейся реальностью, что зафиксировал в своём труде Иордан: «От истоков Вислы на необозримых пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя названия их теперь изменяются в зависимости от различных племён и местностей, однако главным образом они именуются склавенами и антами (Иордан. О происхождении и деяниях гетов, 34).

Но вернёмся несколько назад. Мы закончили описание славянских движений в фазе надлома. С её окончанием, в III

веке славянский этнос переходит в фазу инерции, занимающую период III–IV, а возможно и до середины V века н. э. К северу от Чёрного моря в это время расцвела высокоразвитая Черняховская культура. Здесь проживали различные народы. Главенствующую роль играли готы, переселившиеся к Чёрному морю с берегов Балтики. Вместе с ними пришли сюда и некоторые другие германские племена. Повсюду в степях, от Дона до Дуная проживали различные сарматские племена. В Крыму и в низовьях Днепра жили остатки скифов. В Карпатском регионе преобладали дако-фракийцы. Северные области Черняховской культуры занимали славяне. Федерация племён во главе с готами контролировала эту территорию и обеспечивала политическую стабильность (поселения черняховцев не были укреплены). Налаженные связи с городами Причерноморья и балканскими провинциями римской империи способствовали культурному прогрессу и хозяйственному процветанию. Аланы, жившие в бассейне Дона, прикрывали регион с востока от нападения гуннов. Среди черняховцев славян было немало, но в целом то было разноплеменное население, цивилизация, а не этнос.

На западе славянского ареала по-прежнему существовала пшеворская культура. Славяне-венеды после ухода готов и других германцев на юг, заселили оставленное ими балтийское побережье. С другой стороны пшеворцы осваивали земли в бассейне реки Тисы. К северу от территории Черняховской культуры в лесах среднего Поднепровья также про-

живали славяне – потомки зарубинецкого населения, а также постепенно ассимилируемые ими балты. Здешняя культура была гораздо грубее и примитивнее черняховской.

Крупные события произошли в это время на юго-западе. Под натиском готов и сарматов римские войска оставили Дакию и ушли за Дунай (270). Вместе с ними ушло большинство римских колонистов. Южную придунайскую часть Дакии заняли готы. Не приходится сомневаться, что и славяне приняли активное участие в этих событиях. По сообщениям византийских авторов, в VI веке Дакия предстаёт в значительной части славянской страной, где славяне имели твёрдую базу в своих нападениях на империю. Разумеется, что заселена славянами она была не вдруг. Заселение шло на протяжении нескольких тёмных веков перед этим.

Обстановку в Причерноморье резко изменило вторжение гуннов. В конце IV века они, наконец, преодолели аланский барьер и быстро завладели степями от Дона до Дуная. Гибель Черняховской культуры с полным основанием связывается историками с этими событиями. Многие поселения черняховцев были разорены. Население частью уничтожено, частью продано в рабство, многие бежали от гуннов в пределы Римской империи, а немалую часть гунны увлекли за собой в последующем движении в Паннонию. Уцелевшие черняховцы отхлынули из степей в северные, более лесистые и лучше защищённые места, где их быт и хозяйственные навыки быстро примитивизировались. Наступили более простые и

грубые времена натурального хозяйства. Культура, пришедшая впоследствии на смену черняховской, была гораздо ниже по своему уровню.

После разгрома алан гунны полвека кочевали в приднепровских степях. Вторжение гуннов привело к разрыву экономических связей сельскохозяйственных районов Поднепровья с цивилизованными странами Средиземноморья, что само по себе не могло не вызвать упадок хозяйства. Причерноморские города хирели. Дунайские провинции империи были разорены бежавшими от гуннов вестготами. Гунны мало нуждались в товарообмене, – по праву завоевателей они отбирали у покорённых и присваивали всё необходимое.

В этническом плане гуннское нашествие ускорило славянизацию Поднепровья. Главный удар пришёлся по жившему южнее славян в степной полосе иранскому населению и по готам. Готы, сарматы, скифы подверглись массовому истреблению. Очень многие ушли на запад. Славяне тоже потерпели немалый ущерб. Но они имели прочные тылы в лесной полосе и, отступив на время, вскоре вернулись и заняли покинутые места. Немало славян, в числе прочих, увлечено было гуннами в Паннонию и Дакию. В V веке византийский дипломат и писатель Прииск Панийский во время поездки в ставку Атиллы в Паннонии встретил «скифов», угостивших его своим напитком под названием «медос».

Начавшаяся эпоха Великого переселения народов предоставила славянам благоприятные возможности экспансии

на запад. В начале V века германские племена вандалов, бургундов, квадов, маркоманнов прорвали римский лимес, вторглись на территорию Римской империи и ушли на запад. Обширные территории в бассейнах Одры и Эльбы, в Богемии и Моравии опустели. Эти земли немедля стали заселяться славянами. Занимаемая славянами территория не была, конечно, полностью безлюдной. На ней продолжали обитать остатки германских и кельтских племён, не принявшие участия в переселении своих соплеменников. Старое население постепенно ассимилировалось славянами. Причём прежние племенные названия германцев и кельтов сохранились в несколько изменённой форме в названиях славянских племён: лугии – лужичи, руги – руяне, силинги – слензяне, гелизии – геленсичи, земноны – земчичи, варины – вагры, хатты – хуттичи.

Поселившись в Дакии, Паннонии, Богемии и Моравии славяне с разных направлений вышли к Дунаю, который служил в ту пору южной и юго-западной границей их продвижения. По соседству с ними в Паннонии жили различные германские племена – герулы, гепиды, руги, лангобарды. Гуннская держава, которой все они были прежде подчинены, после смерти Атиллы распалась. Германцы восстали и нанесли поражение гуннам. После чего гуннские орды откочевали на восток – в нижнедунайские, поднепровские и прикавказские степи.

Заключительный и самый мощный этап славянской экс-

пансии развернулся в VI веке, в фазе обскурации славянского этноса. К этому времени славяне уже многолюдный народ, расселившийся на обширных пространствах Восточной Европы. Они, наконец, фигурируют в источниках под своим собственным именем – «склавлены». Живших восточнее Днестра славян греки именовали антами (термин, по-видимому, иранского происхождения, означавший «крайние», «живущие на окраине»)⁷. Анты были не племенем, а военно-политическим союзом с участием ославленных сарматских элементов, на что указывают не славянские имена многих антских вождей. Многие византийские авторы – Прокопий Кесарийский, Иордан, Менандр, Агафий, Феофилакт Симокатта, Псевдо-Маврикий, – оставили о славянах вполне достоверные и довольно подробные сведения. Особенно важны сообщения Иордана, отождествившего склавленов и антов с более древним названием венетов, что позволяет довольно уверенно относить старинные сообщения античных авторов о венетах – к славянам. Все авторы согласно свидетельствуют, что венеты, склавлены и анты это разные названия одного этноса, отдельные его разновидности, но очень схожие между собой и говорившие на одном языке. К этому же столетию относятся достоверно славянские археологические культуры – пражско-корчакская (западная часть славянского мира) и пеньковская (восточная и юго-восточная

---

⁷ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 60.

часть).

С начала VI века славяне то и дело переходят Дунай и вторгаются в провинции Византийской империи. У Византии не было достаточно войск, чтобы противостоять их набегам. Основные силы империи сдерживали персов на восточной границе или занимались отвоеванием у германцев средиземноморских римских провинций. Византийские императоры почитали это дело более важным. Небольшие же отряды, посылаемые против них, славяне успешно громили. От грабительских набегов славяне скоро переходят к заселению балканских земель Византии, которые были сильно опустошены также нашествиями готов, гуннов, авар. В правление императора Маврикия (582-602) славяне заняли Эпир, Фессалию, Эвбею, Аттику, Пелопоннес. Затем они захватили Иллирию на северо-западе Балкан, совершили ряд походов в Италию и Баварию. В 614 году славянский флот опустошает южноиталийскую область Апулию. В 623 славяне нападают на остров Крит. Но это были уже крайние пункты их продвижения. В итоге славяне заняли почти всю Иллирию, Фракию, Македонию, ассимилировав местное население. Южнее – в Греции, они сами были постепенно ассимилированы, несмотря на то, что славян там поселилось немало, и они долго контролировали обширные районы Пелопоннеса (Мореи).

В то время как одна часть славян занимала Балканы, другие продвигались в противоположном, северо-восточном на-

правления – в верховья Днепра, Оки и Волги, к озёрам Ильмень и Чудскому. Движение на восток не сопровождалось столь драматическими событиями, как на Балканах. Здесь славяне постепенно расселялись в малонаселённой лесной стране, тесня и ассимилируя её коренных обитателей – балтов и финнов. До военных столкновений, видимо, дело доходило редко, пространства хватало.

Славянская экспансия на восток развернулась с нескольких направлений, не только вверх по Днепру и Десне, но и с запада – из бассейна Вислы и Помория. Давно замечено значительное отличие новгородских словен от соседних кривичей и других восточных славян по антропологическому типу и особенностям языка. Те же особенности роднят новгородцев с западными, поморскими славянами. Вероятно, Новгород был основан переселенцами с балтийского Поморья, из самой западной славянской области на границе с Данией – Вагрии. Главный город Вагрии носил название Старград. Это соответствует и сообщению летописца о том, что новгородцы «от рода варяжска». Ведь варяги в широком смысле – это не только скандинавы, но купцы и воины с Балтики. А Вагрия была хорошо известна развитием торговли и пиратства.

Можно предположить, что широкая славянская экспансия проходила не хаотично, а скоординировано. Мы встречаем одни и те же племенные названия в разных концах славянского мира: хорваты в Прикарпатье, в Чехии и в Иллирии; сербы в Богемии, Иллирии и на Лабее; дулебы на Волыни, в

Чехии и Паннонии; смоляне на Среднем Днепре и в окрестностях Фессалоники; северяне на Десне и в задунайской Мезии. Как будто отдельные славянские племена выделяли из своего состава контингенты для переселения по различным направлениям. Если это так, то руководящий центр должен был находиться где-то в центре славянской территории. В связи с этим вспоминается рассказ арабского писателя Масуди о существовании в старину у славян господствующего племени «валинана» (волынiane, именовавшиеся также бужанами), которому повиновались прочие славянские племена. «Этот народ – одно из славянских племён чистейшей крови, которое высоко чтилось среди их племён и могло ссылаться на свои старые заслуги перед ними». Вероятно, конец державе «валинана» положило аварское нашествие. Затем славяне далеко разошлись от прежнего центра, утратили постоянную связь и обособились на новых территориях. Прежнее славянское единство распадается.

Далее следует заключительный этап славянского этногенеза. С окончанием в VII веке обскурационной фазы и переходом в фазу мемориальную славянский этнос, как целое, перестаёт быть активной исторической силой. Место его в данном качестве заступает множество славянских народов, которые образовались на основе славян и прежнего населения территорий, занятых славянами. Все эти народы составили обширную славянскую суперэтническую общность. Выйдя из фазы надлома, содержанием которой был окон-

чательный распад славянского политического единства, славянский суперэтнос в VII–VIII, начале IX веках находился в фазе инерции. В этот период этнокультурное единство славянского мира было ещё велико. Славяне добились значительных успехов в культуре, обрели свою письменность.

В IX–X веках славянский суперэтнос проходит фазу обскурации. Впрочем, его историческое существование могло продолжаться ещё очень долго за счёт энергии молодых славянских народов, народившихся в пределах суперсистемы. Однако славянский суперэтнос подвергся экспансии со стороны более молодых и сильных суперсистем – Западной Европы и Византии и был разорван на части. Западные славяне с IX–X веков постепенно втягиваются в европейское суперэтническое поле, а южные – в византийское. Славян, не сумевших приспособиться к новой реальности, ожидал печальный конец. Последние очаги славянского язычества были задавлены немцами в XII веке, а западно-славянские языческие племена бодричей, лужичей, вагров, руян и прочие – ассимилированы.

Последним независимым осколком славянского суперэтнического мира осталась Древняя Русь, сохранившая свою этническую самостоятельность и от (Западной) Европы и от Византии (несмотря на культурное влияние). Русская летопись выражала ясное сознание славянского единства. Эстетика славянского язычества на Руси прекрасно сохранилась, о чём ярко свидетельствует знаменитое «Слово о полку Иго-

реве». В глухих углах Древней Руси славянское язычество было живо ещё при татаро-монголах (земля вятичей). В рамках народной бытовой культуры славянские языческие пережитки сохранились и при господстве Христианства. Славянское этническое сознание не исчезло совсем, но в этнической структуре новых славянских народов сохранилось на нижнем уровне иерархии в мемориальном состоянии.

Глава вторая. Древняя Русь

Поляне и Русь

Теперь, разобравшись с ходом и периодизацией славянского этногенеза, можно приступить к прояснению ключевых моментов этногенеза русского. История становления русского этноса известна несравненно лучше, нежели история славянства. И всё же начальный её период скрыт во мраке тёмных веков. Только с середины X века мы можем проследить её с достаточной надёжностью.

Используем здесь тот же метод, который применялся к прояснению славянского этногенеза. А именно, определимся с ключевыми моментами, скрытыми от глаз истории, отталкиваясь от хорошо известных событий и эпох, имеющих резко выраженный облик, характерный для определённых фаз этногенеза.

Для истории Древней Руси таковой эпохой являются первые века второго тысячелетия по Рождеству Христову. В правление Владимира Святого Русь выходит на вершину своего подъёма. Русские делают свой судьбоносный религиозный выбор. Оформляется территория национального государства. При Владимире Святославиче Русь целостна, сильна и едина. Недаром в памяти народной этот князь запечат-

лелся как Владимир Красное Солнышко, а его время как период мира, процветания, внутренней силы, дающей решительный отпор всем посягательствам внешних врагов. Именно так воспринимал время Владимира «Старого» и автор «Слова о полку Игореве».

Со смертью Владимира декорации на сцене русской истории резко меняются. Следуют жестокие междоусобия его сыновей, братоубийство. Правда, поначалу усобицы перемежаются длительными периодами мира при Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. Но далее Русь всё более погрязает в множащихся усобицах, которые приобретают с течением времени практически постоянный характер. Единое Русское государство Владимира Святого и Ярослава Мудрого распадается на обособленные земли, мало связанные друг с другом. События XI–XII веков истории Древней Руси можно однозначно определить как эпоху надлома. А вместе с тем становится ясен и хронологический момент этнического толчка – это рубеж VII–VIII веков.

После того как мы определились со временем, нужно установить и место, где произошёл этнический толчок, положивший начало древним русичам. Сравнительно небольшой регион в пределах обширной Восточно-Европейской равнины, из которого «пошла есть Русская земля». По счастью здесь мы имеем совершенно ясные и недвусмысленные указания древнерусских летописей. Многочисленные летописные сообщения говорят нам о том, что для самих русичей Русью в

узком смысле была небольшая область Среднего Поднепровья с городами Киев, Чернигов и Переяслав. Население же означенной территории именовалось в узком смысле «русинами» и «Русью»: «поляне яже ныне рекомая Русь». Этот вопрос подробно исследован в работах М.Н. Тихомирова, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова и других учёных, собравших и проанализировавших соответствующие фрагменты летописных текстов. Борис Рыбаков дополнительно подкрепил исторические источники указанием на совпадение данной территории с ареалом археологических находок т. н. «древностей руссов» VI–VII веков (фибулы, височные кольца и т. д.).

Добавлю, что все эти свидетельства полностью отвечают самой логике вещей. Процесс этногенеза протекает наиболее энергично и даёт самые богатые результаты в соседстве с развитой цивилизацией, достижения которой стимулируют его культурный подъём. Такие условия существовали именно на южной окраине восточнославянского ареала. Там, где славяне находились в близком общении со средиземноморской цивилизацией, с провинциями Римской империи и древними античными городами. А отнюдь не на лесисто-болотистом Севере с его достаточно редким населением, находившемся в отдалении от тогдашней цивилизации. Уже в первые века нашей эры славяне Среднего Поднепровья жили в условиях высокоразвитой Черняховской культуры. И даже в бурную эпоху переселения народов связь с цивилизацией поддерживалась здесь, то через торговые контакты, то по-

средством частых военных походов на территорию Ромейской империи (Византии).

Итак, всё сходится. Здесь же, на юге, в Северном Причерноморье ещё с рубежа нашей эры фиксируется и этноним, который позднее станет национальным именем Русского народа. Ещё во II веке до н. э. в Северном Причерноморье появляется союз племён кочевников-сарматов во главе с племенем роксолан. Во II–I веках до н. э. роксоланы кочевали в степях между Доном и Днепром. В I веке н. э. они заняли степи и к западу от Днепра, оттеснив скифов в Крым. В дальнейшем движении на запад роксоланы достигли Дуная, где они совершали набеги на провинции Римской империи и неоднократно вели войны с римлянами. Но значительная их часть продолжала обитать в причерноморских степях.

Иранское слово рокс (или рукс) означает «светлый». Таким образом, этноним роксолан означал «светлые аланы». Скорее всего, это название отражало их господствующее в союзе положение. Но могло быть связано также и с внешними отличительными чертами: по сообщению Аммиана Марцеллина, аланы были светловолосы.

Далее, обращает на себя внимание сообщение Иордана о «вероломном племени росомонов», бывшем в те времена в числе готских вассалов. Росомоны выступили против готов накануне гуннского нашествия в конце IV века н. э. Росомоны (росо – мойне) в переводе с иранского «росы – мужи» («русские люди»). Сообщение Иордана весьма важно не

только тем, что подтверждает присутствие этноса по имени рос (рус) в Северном Причерноморье в середине I тысячелетия нашей эры, но и своим указанием на преобразование к тому времени исходной формы этнонима рокс (рукс) в рос (рус). От этого же VI века до нас дошло и ещё одно упоминание о народе Рос (Hros) в сирийской хронике Псевдо-Захарии. Народ Рос помещается автором к северу от Кавказа в соседстве с амазонками (сарматами). Его описание имеет вполне легендарный характер, поскольку о народах севернее Кавказа автор хроники имел очень смутное представление.

Очевидно, что росомоны племя иранское. Не только этноним, но и имена росомонских вождей из сообщения Иордана – Сар и Амий объясняются из иранских наречий (sar – «глава», ата – «могучий»⁸). Росомоны были врагами готов, также как и анты, и обитали они, видимо, где-то по соседству. По всей видимости это потомки роксолан по-прежнему жившие в Северном Причерноморье. В начале III века этнополитическая обстановка здесь изменилась. Первенствующее положение занимают мигрировавшие с южного побережья Балтики готы, которые встают во главе обширной федерации восточноевропейских племён, как местных, так и пришедших вместе с готами. Сарматам пришлось потесниться. Но они, видимо, не смирились со своим подчинённым положением и использовали любую возможность, чтобы вернуть

---

⁸ Карсанов А.Н. Об этнической принадлежности росомонов// Имя – этнос – история. М., 1989.

независимость.

Дальнейшая судьба росомонов скрыта во мраке смутного времени Великого переселения народов. В конце IV века гунны разгромили алан и заняли Причерноморье. Аланы вошли в состав гуннского союза и участвовали в их походах на запад. Основная часть их, вероятно, ушла с гуннами в Паннонию и пребывала там до распада гуннской империи. Вместе с отступившими гуннами алано-россы в середине V века вернулись в Северное Причерноморье, где наверняка по-прежнему обитала какая-то часть их соплеменников.

В результате гуннского удара по аланам осколки россов раскидало по всему алано-сарматскому миру. Отдельные группы осели в Крыму, в Предкавказье, в лесостепной полосе Среднего Поднепровья и верховий Дона, – о чём можно судить по сохранившейся местами росской топонимике, археологическим находкам и сообщениям средневековых источников. Например, Россо Тар, Россатар в западной части Крыма, деревня Рукуста – в его юго-западной части. Город Малоросса (Равеннский аноним) и город Росия (IX век) на Керченском полуострове, – в восточном Крыму⁹. Известны также сообщения арабских и персидских историков начиная с IX века, повествующие об участии русов в событиях на Кавказе. Вспомним также Русь-Тюрк в Подонье на карте Ид-

---

⁹ Трубочёв О.Н. Лингвистическая периферия восточного славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье» // Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 2001. С. 343–346.

риси (XII век). В последнем случае речь идёт об уже отюреченных аланах, которые, однако, обитали в верховьях Дона уже многие века. Ну и наконец, Салтово-Маяцкая культура аланов там же, но несколько ранее, – «Русский каганат»¹⁰. Из краткого перечня мест расселения алано-росов в эпоху после Великого переселения народов видно, что они жили по окраинам степного ареала Северного Причерноморья – в лесостепи, в предгорьях, на крымских побережьях, на изолированном Керченском полуострове. Собственно же центральное степное пространство занимали различные болгарские орды – потомки гуннов.

Итак, к моменту русского этнического толчка этнос с названием рос (рус) на месте действия налицо. Но эпоха алано-росов была уже на закате. Не иранцам, не аланам было суждено далее сквозь века нести русское имя.

Занявшие поднепровские степи кочевники-сарматы на рубеже степи и леса встретились с оседлым населением этих мест, представленным в то время главным образом славянами. Земледельцев-славян, проживавших на южной окраине лесной зоны, степь издавна манила к себе плодородием земли, привольем своих просторов. При благоприятной обстановке славяне выходили из своих лесов и постепенно осваивали лесостепную территорию. Это движение сдерживалось постоянной опасностью опустошительных набегов степных кочевников. При первом вторжении сарматы разо-

---

¹⁰ Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002.

рили немало славянских поселений. Затем, когда сарматское господство в Северном Причерноморье прочно установилось, оставшиеся ещё в лесостепи славяне попадают в зависимость от сарматов – роксолан. Обстановка в Среднем Поднепровье стабилизируется. Два этноса живут по соседству, а то и чересполосно рядом друг с другом, поскольку роксоланы со временем поселяются и в лесостепи, где преобладало славянское земледельческое население. Часть сарматов здесь постепенно переходит к оседлому образу жизни. Таким образом, в лесостепи Среднего Приднепровья образуется зона тесного этнического контакта славянского и роксоланского (сармато-иранского) этносов. Начинается процесс взаимообмена культурными продуктами, понятиями, терминами, духовными воззрениями. Происходило и антропологическое смешение.

В среде славян сохранилось немало следов иранского влияния в языке, фольклоре, верованиях. К иранскому языку восходят такие важные славянские термины как – бог, царь («сар»), богатырь («багатар»), хата («катай»), шаровары, собака, топор. Следы иранского влияния имеются не только в лексике, но и в фонетике. По мнению В.И. Абаева, изменение взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненёбный фрикативный *y* (*h*) произошло в результате скифо-сарматского воздействия. Это указывает на участие иранского субстрата в этногенезе южной части восточных

славян¹¹. В пантеоне восточных славян имеются языческие божества иранского происхождения – Сварог, Хорс, Стрибог, Симаргл. Схожие мотивы и образы русского былинного эпоса и осетинских «Нартов». Несомненно, что и славяне в свою очередь оказывали влияние на иранцев, но поскольку иранские этносы Северного Причерноморья давно исчезли, нам очень мало об этом известно.

Это смешанное население лесостепи Среднего Приднепровья – славяноязычное, но с примесью иранского элемента, подвергшееся серьёзному иранскому культурному влиянию, – его славянские соседи-лесовики прозвали **полянами**. Имя полян, по-видимому, достаточно древнее, восходит ещё, как минимум, к первым векам нашей эры. В схожих вариантах оно фигурирует у различных древних историков и географов. Греческий историк Диодор Сицилийский (I век до н. э.) говорит о народе «палов», потомков одной половины скифов¹². Иордан упоминает народ «сполов» или «спалов», с которым готы в своём движении к Чёрному морю столкнулись после переправы через большую реку. Плиний именует это племя «спалеями». Согласно Плинию оно жило в бассейне реки Танаис (возможно, верховья Северского Донца). Прокопий сообщает, что славяне первоначально

---

¹¹ Абаев В.И. О происхождении фонемы у(h) в славянском языке. В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115–121.

¹² Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947. № 4. С. 250.

носили общее имя «споры», что также близко к исходному славянскому термину. Иранцы – скифы и сарматы, а за ними и другие народы называли полян – **антами**, т. е. «живущими на краю». Подразумевалась, видимо, окраина населённой сарматами территории. Все византийские писатели, сообщавшие о славянах, были согласны, что и склавины и анты одинаково славяне, схожи обычаями, говорят на одном языке, но при этом хорошо различали тех и других. Своеобразные отличия антов от прочих славян привнесло иранское этнокультурное влияние.

Известные имена антских вождей нередко звучат не по-славянски: Ардагаст, Пейрогаст, Келагаст, Доброгаст, Мезамир, Усигард, Идаризий. Вторая часть многих антских имён «-гаст» известна как отдельное имя в Боспорском царстве¹³. Независимо от этнического происхождения она могла попасть в славянскую среду только через сарматов. Иранское присутствие среди антов налицо. Вероятно какие-то сарматские роды, проживавшие среди славян, со временем были ассимилированы и влились в их состав в качестве знати. Славянское население в целом было подвластно сарматскому союзу роксолан, так что утверждение сарматских родов среди славян в качестве политически господствующих не удивительно. Это могло произойти за два века развития Черняховской культуры, в рамках которой археология фиксирует широкое проникновение сарматов в лесостепную полосу,

---

¹³ Вернадский Г.В. Древняя Русь. М.; Тверь, ЛЕАН; АГРАФ, 1997. С. 174–175.

где проживали славяне. Таким образом, этнос полян-антов является довольно древним. Он возник ещё на рубеже нашей эры на базе славяно-иранского этнического контакта. Полянский этнос существовал в составе славянского супер-этноса.

Анты впервые появляются в истории как противники гот-тов. Иордан повествует о войне остготов с антами. Готы вторглись в земли антов и нанесли им поражение. Король гот-тов Витимир повелел распять вождя антов Боза с сыновьями и с семьюдесятью знатными антами. За эту победу готский король получил прозвище Винитарий («победитель венетов») – знак того, что готы видели в антах славян, которых они, как и все германцы обычно именовали венетами. Эти события происходили, скорее всего, в Лукоморье, между низовьями Днестра и Днепра, – там, где по Иордану жили анты. К тому времени они уже были подданными гуннов. Так что король гуннов выступил мстителем за антов и разгромил остготов.

В VI веке анты были хорошо известны византийским авторам, как одна из крупнейших славянских группировок, располагавшаяся на нижнем Дунае. Анты активно участвовали в набегах на империю и во всех военно-политических событиях того времени. С другой стороны, анты временами служили наёмниками в византийской армии. Так, один из способных имперских военачальников Хилбуд (Хилбудий), отличившийся в борьбе со славянами, был, судя по всему, ан-

том. В 538 году анты были в составе отряда, пришедшего на выручку осаждённому готами в Риме Велизарию. В 547 году отряд антов сражался против готов в Южной Италии. В 544 по предложению императора Юстиниана анты поместили гарнизон в крепости Туррис к северу от Дуная. Вскоре Юстиниан присоединил к своему титулу «Антский», что означало подчинение, по крайней мере, какой-то части антов власти империи.

Конец существованию антского союза на Дунае положило нашествие авар. Поначалу анты оказали яростное сопротивление, но затем вынуждены были подчиниться. Они, то участвовали в аварских набегах на империю, то вступали в союз с Византией. В конце VI века, в правление императора Маврикия, византийские источники в описании войн со славянами уже не делают различия между склафинами и антами. Они обозначают своих противников как склавинов, но вожди этих склавинов носят явно антские имена – Ардагаст и Пейрагаст. Это явный знак подчинённости антов аварам. По вполне вероятной догадке Вернадского, часть склавинов была подчинена каганом власти антской знати. Однако в конце VI века анты отпали от авар, заключили союз с византийцами и опустошили страну склавинов. В связи с этим аварский каган направил свои войска «с приказанием истребить племя антов, которые были союзниками римлян» (*Феофилакт Симокатта. История, VIII, 5-8*).

Это последнее упоминание об антах в исторических ис-

точниках. Далее мы вступаем в область предположений. Вероятно, авары всё же разгромили антов, чем и объясняется прекращение о них дальнейших известий. Часть антов, не желавшая подчиняться власти авар, могла уйти с Дуная в Среднее Поднепровье, принеся туда многочисленные ценности и предметы материальной культуры южной цивилизации дунайских провинций империи. Это те самые древности, которые археологи обнаружили в районе Киева, на украинском левобережье, в Курской и Воронежской областях, – которые А. Спицын назвал «древностями антов», а Б. Рыбаков «древностями русов». Анты, оставшиеся на Дунае, по всей видимости, скоро слились с прочими славянами и участвовали в колонизации Фракии и других провинций империи. Те из них, что не ушли на Балканы, а остались жить на старой антской территории в Лукоморье между Днестром и Днепром, смешавшись с позднейшими волнами славянских переселенцев, – стали позднее известны в качестве **уличей**.

В первой половине VII века эпоха великого переселения славян на Балканы завершается. В связи с этим часть славян, не переселившихся на территорию византийской империи, возвращается назад, в том числе и в Среднее Поднепровье, где по-прежнему обитали поляне, северяне и аланоросы. Таким образом, мы видим, что предполагаемый момент времени русского этнического толчка не случаен. Он не мог произойти, пока не завершится эпоха переселения, в ходе которой большая и наиболее динамичная часть славянско-

го населения постоянно утекала на Дунай и Балканы. Теперь ситуация в регионе месторождения этноса стабилизируется. Процесс этногенеза в Среднем Приднепровье активизировал приток сюда нового населения. В конце VII века на левобережье Днепра и в район Киева переселяется большое количество славянского населения со Средней Волги, из региона славянской именьковской культуры. Именьковцы дополнили здешнее северянское и полянское население. На основе слияния старожилов и новосёллов возникает т. н. волынцевская культура. Приток новой мощной волны славянства окончательно закрепил славянский этнический облик нового русского этноса. Алано-росы Поросья и Левобережья быстро славянизируются. И, растворившись среди подвластных им славян, передают им своё этническое имя. Впрочем, этот процесс завершится только в X веке.

Место рождения нового славяноязычного русского этноса точно определил Борис Рыбаков. «Сопоставим между собой две карты – карту Приднепровской Руси по летописным упоминаниям XII в. и карту ярко выраженного археологического единства VI–VII вв. Мы видим поразительное совпадение между ними. Совпадают не только общие контуры, но и детали (например, на западе – «волости земли Русской» и на севере – район Стародуба). Для XII в. это единство было только историческим воспоминанием; оно не отражало, как уже упоминалось выше, ни политической, ни этнографической общности земель, входивших в понятие «Русь» в узком

смысле слова. Для VI–VII вв. это единство прочно подтверждено очень значительной общностью тех археологических памятников, которые есть в нашем распоряжении¹⁴» Археологические памятники, о которых идёт речь это поясные наборы, пальчатые фибулы, височные кольца и другие женские украшения.

Не остановившись на этом, Б. Рыбаков в пределах Руси изначально выделил ещё более узкую территорию – первоначальное ядро Русской земли. «Ядром Русской земли являлось Среднее Поднепровье от бассейна Роси до Тясмина на правом берегу Днепра и часть Левобережья с Переяславлем Русским и нижним течением Сулы, Пела и Ворсклы. Эта сравнительно небольшая область (около 180 км по течению Днепра и 400 км в широтном направлении) располагалась на южном краю плодородной лесостепи¹⁵». К археологическим древностям Рыбаков добавил красноречивые сведения местной топонимики: р. Рось, р. Россава, Русская поляна. Знаки-тамги на поясах Мартыновского и Хацкого кладов, близкие к позднейшим «знакам Рюриковичей». Добавим, что знак-тамга Рюриковичей восходит к знакам сарматских правителей Боспорского царства – свидетельство тесных связей Среднего Приднепровья с Приазовьем и сарма-

---

¹⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., Наука, 1982. С. 73.

¹⁵ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., Наука, 1982. С. 85.

тами. Пожалуй, единственная серьёзная ошибка Рыбакова – это утверждение, об изначальном славянстве Россов (русов).

Этноним «рос» при переходе в славянскую языковую среду сменил свою форму на «рус». А гидронимы Рось и Россава свидетельствуют о длительном преобладании в данном районе иранского элемента, в результате чего они закрепились в иранской форме. Изменение в этнониме легко могло произойти, скажем, при узости¹⁶ гласного. Можно привести достаточное количество подобных примеров. Так, историк Иордан, гот или алан по происхождению, называет вождя антов Бозом. В то время как славяно-русский автор «Слова о полку Игореве» именует последнего Бусом. Скандинаво-германский бог Тор (аналог Перуна) на Руси был известен как Тур. Германское воко при переходе к славянам превратилось в «бук» (дерево).

Ещё до окончательного слияния поляне и русь (аланно-россы) создали в Среднем Приднепровье этнополитическое объединение, границы которого определены Рыбаковым. Поскольку верховная власть в нём по традиции принадлежала «Русскому роду», то всю территорию полян и Руси прозвали Русской землёй.

Поляне заметно отличались от прочих славян. Антропологи уверенно констатируют большое сходство полян с населением Черняховской культуры. «Поляне являются, по-видимому, той единственной группой славян, в которой прояв-

---

¹⁶ Узкий – гласный звук, произносимый при нешироком раскрытии рта.

ляются антропологические черты скифов лесостепной полосы. Антропологически поляне обнаруживают поразительное сходство с населением Черняховской культуры. В свою очередь, черняховцы антропологически близки скифам лесостепной полосы. Те незначительные различия, которые имеются между полянами и черняховцами, между последними и скифами, объясняются эпохальными изменениями, т. е. характером биологического типа во времени»¹⁷. Выводы Т.И. Алексеевой подтверждены и другими антропологами (например, М.С. Великановой).

Давнее, сравнительно с другими восточнославянскими племенами, происхождение полян подтверждает и летопись. Поляне в летописи предстают как народ значительно более цивилизованный, чем соседние славяне, которые в своих лесах «живяху зверинским образом», по словам летописца. Всё говорит о том, что поляне были в описываемое время уже старым этносом, находившимся на исходе своего существования. Имя полян, особенно в краткой форме – поли, близко соответствует вышеприведённым сообщениям различных античных и византийских авторов (палы, спалы, спалеи, споры), начиная ещё с I века до н. э. Послужив мостом для синтеза иранской скифо-сарматской и славянской этнической среды, этот древний этнос заканчивает свой существование. Последний раз поляне упомянуты в летописи в связи с по-

---

¹⁷ Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных. В кн. Славяне и Русь: проблемы и идеи. М.: Флинта; Наука, 2001. С. 374–375.

ходом Игоря 944 года. Далее их потомки называются кыяне и русь.

Несколько слов по поводу старого спора

Мы подошли к старой проблеме, миновать которую без всякого упоминания никак нельзя. Как известно, существует направление, именуемое норманнизмом, которое доказывает северное, скандинавское происхождение этнонима «русь» и первых русов. Первое, что можно сказать об этой теории, – это её совершенная ненужность. В самом деле, на протяжении многих веков различные источники фиксируют в Северном Причерноморье этноним «рос». Затем следует пауза в два-три столетия (тёмные века). А после неё в том же самом месте возникает народ с тем же самым наименованием. Вопрос – откуда оно взялось, по-моему, риторический. Совершенно ясно и без доказательств, что самое правдоподобное и почти несомненное объяснение данного факта состоит в том, что какая-то этническая группа, обитавшая в этом регионе, сохранила древнее имя и передала его молодому, поднимающемуся этносу. – Нет, люди начинают искать происхождение Руси за тридевять земель и выводить бог знает откуда.

Определённые основания для норманнской теории, конечно, имеются. Кроме версии летописца о варяжском происхождении Руси, в соблазн вводили исключительно скандинавские или, во всяком случае, неславянские имена первых

известных русских князей и их ближайшего окружения. Это самый весомый аргумент норманизма. Но если пораскинуть мозгами, всё что следует из этого факта, – это констатация того, что в какой-то период развития русского государства в нём утвердилась скандинавская династия, ближайшее окружение которой составляли её соплеменники. Скандинавское происхождение самой Руси это нисколько не доказывает.

Проблема в том, что ранний период истории Руси практически не известен по письменным источникам. К примеру, если бы прошлое средневековой Чехии было так же неизвестно, то имелись бы не меньшие основания утверждать германское происхождение чешской государственности: немецкая династия на престоле, высший класс в виде немецкой или онемеченной знати, говорящий на немецком языке. Слава Богу, история средневековой Чехии хорошо известна и возникновение чешских «норманистов» или «германистов» ей не угрожает. Древней Руси повезло меньше.

В поисках скандинавского племени Русь, анонсированного летописцем, учёные прочесали всю Скандинавию – увы, безрезультатно. Кроме позднейшего названия шведской провинции Рослаген ничего не обнаружили. Но название местности и название народа – вещи разные. По всей Европе географических названий с корнем «рос» – не так уж мало. Несостоятельность рослагенского аргумента ведущие норманисты признали ещё в конце XIX века.

Кроме того, норманисты откапали древнескандинавский

корень гор, связанный с греблей, и выдвинули предположение, что слово «rops» или «rodsen» в значении «гребцы» скандинавы использовали как самоназвание в своих дальних походах. Это слово было будто бы услышано финнами, которые переделали его на свой лад в «guotsi» и стали так называть шведов. От финнов это слово перешло к славянам, в языке которых оно приняло форму «русь», в том же значении – как название пришлых скандинавов. Варяги-скандинавы, обосновавшись среди славян, в конце концов, перенимают местную форму и также начинают называть себя Русью, русами.

Схема, надо сказать, сложноватая, – слишком много передаточных звеньев. Но теоретически, – если бы все звенья получили если не доказательство, то хотя бы убедительное обоснование, – она имела бы право на существование. Однако как раз этого и нет. В данной схеме не то чтобы одно звено – все звенья никуда не годятся. В результате цепь разваливается и по отдельным звеньям и как целое. Вся эта теория напоминает здание, построенное на зыбучих песках и притом без фундамента. Начнём с того, что ни в одном источнике, европейском или скандинавском, нет и намёка на то, что скандинавы в эпоху викингов называли себя «гребцами» – ни в хрониках, ни в преданиях, ни в сагах. Если этот термин действительно служил самоназванием викингов, то он должен был оставить следы не только в Восточной Европе, но и в Западной – везде, где викинги были известны, куда они

предпринимали свои походы, и уж всенепременно в самой Скандинавии. Невероятно, чтобы скандинавы называли себя гребцами только в финской земле, а во всех прочих местах как-то по-другому.

Но может быть «гребцами» называли себя не все скандинавы, а только шведы, которые совершали походы преимущественно в Восточную Европу? Но и такое допущение совершенно бесполезно. Во-первых, оно противоречит аргументации самих норманистов, нашедших ближайшие соответствия этому слову в древнеисландском (т. е. древне-норвежском) языке. Во-вторых, в любом случае оно должно быть известно в самой Скандинавии. Но там этот термин впервые появляется в источниках только в XIII веке, спустя полтысячи лет после утверждения Руси в Киеве. Ещё в середине XIX века Гедеонов дал развёрнутую критику теорий Рослагена и «godsen» («гребцов»). С тех пор ничего конкретного на поставленные им вопросы норманисты не ответили. Самые добросовестные из них вынуждены были признать сомнительность этих своих аргументов.

Так что если мы хотим оставаться на почве реальных фактов и здравой логики, то нужно отбросить все эти натянутые выдумки в сторону. Хорошо известно и самоназвание бродячих скандинавских дружин – викинги, и их прозвания у других народов: норманны – в Западной Европе и варяги – у восточных славян. Характерно, что названия, даваемые скандинавам в других странах, не имели ничего общего с самона-

званием. Точно также, видимо, обстоит дело и с этимологией финского *guotsi*. Тот же Гедеонов предложил гораздо более убедительное толкование последнего, как происходящее от древнефинского названия прибрежных скал, коими изобилует шведское побережье в отличие от низменных финских берегов. В этом случае древнее название шведов по-фински значило бы нечто вроде «люди страны скал». Не знаю, как относятся к этой теории лингвисты, но с этнопсихологической и историко-географической точки зрения такое толкование безупречно.

Другое слабое место норманистской теории в большой сомнительности финского посредничества в контакте скандинавов и славян. На раннем этапе проникновения шведов в пределы Восточно-Европейской равнины их магистральный водный путь проходил от устья Западной Двины к низовьям Дона. Как отмечал Г. Вернадский, начало и конец этого пути обозначены двумя селениями с одним и тем же названием – Асгард. Один, полумифический, располагался в Приазовье, второй был на Западной Двине¹⁸. Этот путь из Швеции в Чёрное море оставлял земли финнов в стороне, к северу.

Далее. Если предполагать, что «русью» первоначально назывались скандинавы, встаёт и другая проблема – почему один и тот же предмет славяне называют двумя различными именами – русь и варяги? Либо, почему славяне сначала зо-

---

¹⁸ Вернадский Г.В. Древняя Русь. М.; Тверь, ЛЕАН; АГРАФ, 1997. С. 283.

вут скандинавов «русью», затем же, когда и сами скандинавы усваивают себе это прозвище в славянской форме, перестают называть их «русью», а вместо этого начинают звать «варягами»? Вопросы эти поставлены давно, ничего вразумительного на них норманисты не ответили.

Кроме личных имён, другим важнейшим доказательством скандинавского происхождения Руси служило свидетельство Константина Багрянородного о различии славянских и «русских» названий днепровских порогов. Константин приводил для них два ряда названий, один из которых имеет явно не славянский характер. До сравнительно недавнего времени «русские» названия порогов толковались только из скандинавских корней. Но в конце концов М.Ю. Брайчевскому пришла в голову счастливая мысль поискать иранскую этимологию «русских» названий¹⁹. Попытка удалась с полным успехом. Брайчевский вполне удовлетворительно истолковал все «русские» названия на иранской почве и показал, что они полностью соответствуют своим славянским параллелям и пояснениям Порфириогенета. В то время как скандинавские этимологии в большинстве случаев являются лишь неточными приближениями, а то и отсутствуют вовсе.

Ещё одним свидетельством, якобы доказывающим скандинавское происхождение руси, считают известное сообще-

---

¹⁹ Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев, НАУКОВА ДУМКА, 1985.

ние Бертинских анналов о послых народа Рос ко двору византийского императора (839). Правитель народа Рос, именуемый хаканом, направил их к императору «ради дружбы». Эти послы на обратном кружном пути попали ко двору франкского императора Людовика, где было установлено, что по национальности они «свионы» (шведы). Норманисты делают отсюда вывод о тождестве руси и шведов. Между тем, это известие, само по себе, не даёт к тому достаточных оснований. Национальность послов может быть совершенно отличной от страны, представителями которой они являются. К примеру, в XV веке московский государь Иван III направил к папскому двору в качестве посла итальянца Джан Батиста делла Вольпе (Иван Фрязин). Никто ещё на этом основании не пытался утверждать, что первые москвиты происходят из Италии. Пётр I включил в состав «великих послов» швейцарца Лефорта. Но в Европе он выступал исключительно как представитель «рода русского», России, а до его национальности никому не было дела.

Чем ещё располагает норманизм? В послании франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I (871) есть упоминание о хакане «норманнов». Аналогичные известия находим в «Венецианской хронике» Иоанна Диакона (рубеж X–XI вв.), в которой русь, напавшая на Константинополь в 860 году, названа «народом норманнов». Также и у Лиудпранда, епископа Кремонского, в рассказе о походе киевского князя Игоря на Константинополь в 941 го-

ду читаем: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русиями (имеется в виду греческое слово, означающее «рыжий»), мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке nord означает север, а man человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами»²⁰. Что здесь можно сказать? Да только то, что Русский каганат действительно существовал и не где-то на севере, а именно в Киеве. А из слов Лиудпранда ясно видно, что русы, напавшие на Константинополь, названы норманнами лишь в географическом смысле, как обитавшие к северу от византийской империи. Никакого этнического наполнения в данном случае этот термин не имеет.

Несколько известий о русах оставили арабо-мусульманские источники, но в определении этнического происхождения руси они вряд ли могут помочь. Арабы и персы плохо различали этнические особенности народов севера. Одни авторы называют руссов «разновидностью славян», другие рисуют их врагами славян. Так что в сообщениях о русах, вероятно, объединены черты представителей различных племён и группировок. Арабы могли называть русами скандинавов-руссов, приобщившихся к Руси через свою службу киевскому князю; и скандинавов – не русов, совершавших пиратские набеги на территорию Восточно-Европейской рав-

---

²⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников, под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2001. С. 290–291.

нины, захватывавших её обитателей – славян, финнов, балтов в рабство и продававших их в Булгар и Хозаран; и русов – не скандинавов, ослабянившихся сарматов Северного Причерноморья. Среди последних действительно могли встречаться христиане, и для общения с ними вполне могли пригодиться славянские слуги-евнухи в Халифате.

Вот собственно и все норманистские аргументы. Не затрудняя себя историческими доказательствами, сторонники скандинавской теории сосредоточились на лингвистических упражнениях. Отрицать бытование на юге этнонима «рос» они конечно не могут. Однако, они выдвигают то возражение, что местная, славянская форма этнонима была «рус», а не «рос». Последнее же на Руси появилось очень поздно, как греческое заимствование. К тому же, как утверждается, корни рус- и рос- не являются родственными, поскольку древнерусские гласные «у» и «о» восходят к различным индоевропейским гласным. Следовательно, переход рос- в рус- на славянской почве якобы невозможен. Хотя почти на наших глазах такой переход из -о- в -у- совершился в малороссийском наречии – к примеру, из «конь» в «кунь». Но раз учёные мужи утверждают, что этого не может быть, то не верь глазам своим!

Попробуем разобраться. Действительно, этноним зафиксирован на юге в форме «рос». Но эта форма известна нам лишь по греческим источникам. Как произносилось это слово самими сарматами неизвестно. Вполне возможно, что ва-

рианты произношения были уже на иранской почве. Что касается греческой формы «рос», отражённой в письменных источниках, – то она есть следствие того, что в греческом языке того времени гласные -о- и -у- были фонетически близки и взаимозаменяемы. На закрепление формы «рос» в греческой традиции оказало влияние использование библейского названия «Рош» для обозначения северных варваров. Поэтому греки называли русских «росами» и гораздо позднее, в то время как немцы и арабы ещё в IX веке использовали форму «рус». Таким образом, форма «рос» греческих источников указывает не на исходное звучание, а на особенности греческого языка и литературной традиции.

В первых веках нашей эры Северное Причерноморье было зоной активных контактов по крайней мере трёх этно-языковых стихий – иранской, славянской и германской. Исходного материала для разнообразия вариантов было достаточно: рокс- или руксаланы, германцы-руги. И если в иранской среде бытовала всё-таки форма «рос», то при переходе в иную языковую среду могли произойти изменения. Примеры подобного превращения гласного -о- в -у- при переходе из германской языковой среды в славянскую – уже были приведены нами выше. Видимо, здесь произошло аналогичное явление.

Теория северного происхождения этнонима «русь» в лингвистическом плане не имеет никаких преимуществ перед югом. Также как и южная она предполагает переход ис-

ходного *gorps* в «рус». Также подчёркивается, что конечное «русь» есть результат интенсивных «славяно-финно-скандинавских языковых взаимодействий». Только если на юге исходная форма для подобных взаимодействий налицо, то на севере она носит абстрактно-гипотетический характер.

И ещё один аргумент «северян» следующий, – со ссылкой на исследования крупных лингвистов они утверждают: «Название «русь» возникло в Новгородской земле. Оно зафиксировано здесь богатой топонимикой, отсутствующей на юге: Руса, Порусье, Околорусье в южном Приильменье, Руса на Волхове, Русыня на Луге, Русьска на Воложке в Приладожье. Эти названия очерчивают первичную территорию «племенного княжения» словен, дословно подтверждая летописное: «прозвася Руская земля, новгородьци»²¹.

Подобное утверждение – следствие недопонимания специфики лингвистических исследований в истории. Их результаты нуждаются в адекватном осмыслении. Приведённый в цитируемом фрагменте факт действительно весьма красноречив. Но подтверждает он, в противность мнению авторов, скорее обратное. Дело в том, что богатая топонимика подобного рода возникает не в месте зарождения этноса, а на территории его последующего распространения, – где он оказывается в иноэтническом окружении. Там, где но-

---

²¹ А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев. РУСЬ И ВАРЯГИ (руско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы: Пер. с нем./ Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 202–203.

вый этнос в ходе экспансии появляется на чужой территории, он воспринимается как нечто новое и необычное. Поэтому его название служит для обозначения опорных пунктов пришельцев и пределов их распространения – что и имело место в данном случае. Известно, что русский этнос первоначально распространялся в славянской среде: «А словенский язык и русский одно есть». Финское население Новгородчины только позднее, по мере христианизации, ассимилировалось русскими славянами. Поэтому когда территория новгородских словен, которая в виде северного клина или острова была вдвинута в земли, населённые финно-уграми, вошла в состав государства под названием Русь и «прозвася Руская земля», её чудские границы обросли русской топонимикой. Летопись зафиксировала момент, когда словене-новгородцы стали причастны к Руси, а не её новгородское происхождение. Новгородцы же и позднее держались несколько обособленно и от Киева (Руси в узком смысле) и от прочих русских земель. Русью в Новгороде традиционно называли поднепровский юг.

Есть ещё одно обстоятельство, чисто психологического свойства. Трудновато представить, чтобы скандинавские дружины, ходившие походами на восток, постигла коллективная амнезия или национальный маразм, и они, забывши своё природное племенное имя, вместо него взяли себе кличку, которой их называли местные туземцы. Те самые презираемые викингами туземцы, которых они лови-

ли как диких зверей и продавали в рабство. А потому любые лингвистические упражнения здесь попросту излишни и неуместны. Другое дело, когда иноплеменники принимают чужое национальное имя, чтобы войти в устоявшуюся этнополитическую структуру, занять место в правящем классе чужого государства. Это вполне обыденное дело. Но в таком случае они усваивают себе не прозвище, которым местные люди именуют чужеземцев, а местный этноним. Так и произошло в Среднем Поднепровье, где скандинавы постепенно ассимилировались в местной среде через вхождение в «русский род» и становились при этом «русами», а не «варягами». Бывает и по-другому. Когда одна сравнительно немногочисленная этническая группа, занимающая господствующее положение в этнополитической структуре, ассимилируется среди подданных иного этноса, передаёт им своё племенное имя. Так было в Болгарии, где тюрки-болгары, ассимилировались среди славян, но придали им свой этноним. Гипотетической конструкции, выстроенной норманистами, не было нигде и никогда. Она невероятна по меркам здравого человеческого рассудка. Данное обстоятельство лично для меня является самым весомым. Прекрасную подборку мнений большого числа учёных о явной несостоятельности и нелепости норманистской конструкции происхождения этнонима русь даёт В.В. Фомин в своей работе *Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии. // Изгнание норманнов из русской истории. М.: Русская панорама, 2010.*

Важно, что среди них немало зарубежных исследователей. Слишком явное надругательство над здравым смыслом и наукой, проявленное норманистами в этом вопросе, не оставляет равнодушными даже людей посторонних.

Мифологическая генеалогия русского имени

Имя народа не есть только историческая случайность, – оно глубоко символично и во многом предопределяет его судьбу. Поэтому поиски происхождения этнического наименования имеют отнюдь не праздный интерес. Народное имя есть глубинное смысловое ядро национального бытия.

Русское имя появилось гораздо ранее народа, ставшего известным в истории под этим именем. Древняя индоевропейская основа Рус имеет два основных значения – яркого насыщенного света (красного, жёлтого, коричневого) и мощной динамической энергии. Это энергетически мощное слово, насыщенное стихией солнечного света и могучей энергии. Народ, принявший такое имя, просто не мог быть маленьким, слабеньким и в истории незаметным!

Приведём примеры. В русском языке «русый» означает «тёмно-рыжий», «коричневый» цвет (особенно о волосах)²². Древне-индийское *rukṣa* – «блестящий» (с диал. *ss<ks*)²³. *Rossa-tar* – «белый берег», *Rosso Tar*, место на западном берегу Крыма (вторично *Rossofar*), итальянские кар-

---

²² Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910-1914. Т. 2. С. 225.

²³ Трубачёв О.Н. К истокам Руси. Народ и язык. М.: Алгоритм, 2013. С. 15.

ты XIV век²⁴. Близкое слово «рудый» – «кроваво-красный», «красно-бурый», «рыжий»²⁵. Латинское *russus* – «красный», *russeus* – «рыжий». Словенское *rus* – красный, лит. *rusvas* – тёмно-красный, латыш. *gusa* – «ржавчина». Иранское «раухшна» – «свет, светлый»²⁶. Швед. *gusa* – «устремляться, бросаться, атаковать»²⁷. Англ. *russet* – «красновато-коричневый» или «желтовато-коричневый» цвет; *rush* – «стремительное движение, натиск, напор; бросаться, кидаться, мчаться». Сравните русское – «рушить». А также «русло» – прорытое водой ложе реки.

Древняя индоевропейская символика окрашивала в красный цвет воинское сословие. В Индии красный цвет принадлежал варне кшатриев – воинов и правителей. Русы сохранили эту традицию – красные щиты и красные корабли Руси, красные стяги, красные княжеские плащи.

«Слово о полку Игореве» называет русских людей «даждьбоговыми внуками» и «русичами», т. е. сыновьями русов. Таким образом, русы – дети бога солнца, Даждьбога. Аристократия в древности любила вести свой род от богов или,

---

²⁴ Трубачёв О.Н. К истокам Руси. Народ и язык. М.: Алгоритм, 2013. С. 15.

²⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. С. 513.

²⁶ Трубачёв О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. // Вопросы языкознания. 1977. № 6.

²⁷ Макаров М. О значении словъ: Росъ (Ros), Русъ (Rus), Рускъ (Rusk) и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ же словъ на языкѣ шведскомъ. // Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ, ч. VIII, 1837. с. 364–368.

хотя бы, – от богинь. Дажьбог это солярное божество, в котором, видимо, слились несколько древних арийских культов. Дажьбог, как явствует из его имени, является подателем всевозможных благ. Таковы все солнечные божества у ариев. К примеру, Савитар²⁸ («порождающий») – приносит и распределяет дары, богатство, счастье, силу, долгую жизнь, изгоняет болезни, ограждает от колдовства, забирает грехи. Его универсальный эпитет – «золотой». Вивасват²⁹ («сияющий») – другое ведийское божество, олицетворяющее свет, родоначальник людей, отец божественных близнецов Ашвинов. В связи с основой gud – вспоминается ведический бог грозы, войны и разрушения, но вместе с тем и плодородия – Рудра³⁰, «красный вепрь неба», прообраз славянского Перуна. Наконец, божественные братья-близнецы Ашвины³¹ – «обладающие конями», живущие на небе сыновья неба или солнца. (Вот откуда парные коньки на крышах русских домов!) Каждый день они объезжают вселенную на своей золотой колеснице и прогоняют тьму. Они спасители, помогающие в беде; они приносят дары для ариев – богатство, пищу, коней, коров, быков, детей, свет, счастье, победу, дают жизненную силу и долгую жизнь. Они божественные целители. Ашвины связаны с мёдом, они дают его пчёлам, кропят им

---

²⁸ Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 395.

²⁹ Мифы народов мира. Т. 1. С. 235.

³⁰ Мифы народов мира. Т. 2. С. 388–389.

³¹ Мифы народов мира. Т. 1. С. 144–145.

жертву, везут мёд на своей колеснице. Ашвины нетерпимы к чужим; они выступают против злых духов, болезней, скупцов, завистников. Ашвины – древние, но вечно юные, сильные, здоровые, прекрасные. Подчёркивается их яркость, золотой цвет (цвет мёда (русый!)); несколько раз они названы красными).

Такова мифологическая генеалогия русов. Первые русы это божественные близнецы, дети солнца – золотые, сияющие, красные, русые, могучие и прекрасные. Неутомимые воители с мраком и злом, защитники добра и справедливости. Их потомство на земле – русы, русичи, род русский – народ воинов, отстаивающий правду и добро, свободу и справедливость. Непримируемый к злу, лжи и рабству. Державный народ, наделённый правительственной властью по праву высокого происхождения.

Совершенно не случайно племя рокс-аланов занимало господствующее положение в Сарматском союзе. Эпоха Великого переселения народов разбросала это племя по всей Европе, где, откуда ни возмись, там и сям появились «русские» островки. Но часть рус-аланов продолжала жить на старом месте, в лесостепи Северного Причерноморья. Здесь, в Среднем Поднепровье, алано-русы постепенно поглощались более молодой, сильной и многочисленной славянской этнической стихией. Но ведущее положение и право на власть «русского рода» среди славян оставались при том незыблемы.

Термин «рус» в индоевропейской этнической среде устойчиво ассоциировался с воинской функцией и правом на светскую власть. Термин с таким смысловым наполнением легко трансформировался из социального в этно-социальный, в этнический и обратно. Если племя, которым правила русская знать, завоёвывало господство над другими племенами, – то русское имя вскоре распространялось на всё господствующее племя в целом (роксоланы и сарматы). В том случае, когда племя с русским этнонимом слабело и ассимилировалось в иноэтнической среде, оно входило в состав нового этноса в качестве социально-господствующей этно-социальной группы (поляне и русь). А при дальнейшем подъёме и усилении нового этноса, опять-таки передавала ему своё название в качестве этнонима (русь и славяне).

Когда в Среднем Поднепровье появились варяжские дружины, скандинавы быстро поняли, что захватить власть в Киеве гораздо легче, чем её удержать; что лучший способ легитимации своего властвующего положения среди местного населения – войти в состав «русского рода». Для варягов, как воинов, ничего не могло быть естественнее. Они не несли никакой культуры, не отстаивали никакой религии, а искали только добычи и власти. И они приняли местных богов, усвоили обычаи Русской земли, приняли русское имя, женились на местных женщинах и ославянивались за одно-два поколения. Русской знати иранского происхождения пришлось потесниться, уступить первые позиции в государстве и дружи-

не пришельцам. А для окрестных славянских племён ничего не изменилось. Они по-прежнему жили под властью «русского рода». И по мере того, как все инородные компоненты его ославянивались, само русское имя распространялось на подвластных Руси славян. А уже поднявшаяся новая славянская Русь приняла господствующее положение по отношению к окрестным племенам «иже дань дают Руси». Бегут века, проходят тысячелетия, этносы сменяют друг друга, а русская история продолжается.

Русский каганат

Первым известным государственным образованием в земле восточных славян был Русский каганат. О нём не сохранилось почти никаких сведений. Неизвестно кем он был основан, где именно, каковы были его границы. Есть лишь несколько достоверных упоминаний о некоем государстве, правитель которого носил титул хакана (кагана). Всякая попытка прояснить историю Русского каганата будет неизбежно гипотетичной.

Можно достаточно уверенно утверждать, что каганат существовал на юге. На это указывает уже сам титул правителя государства – «хакан». Такой титул в то время в Восточной Европе носил глава Хазарии. Столичный центр хазарской империи располагался в низовьях Волги, а владения охватывали Северный Кавказ, Приазовье, донские степи, часть Крыма. Многие окрестные народы платили хазарам дань, в том числе и славяне.

Титул хакана несомненно был заимствован у хазар. Значит, новое государство – соперник хазар, находилось до своего подъёма под их влиянием. И выдвинуть претензию на такой титул мог только правитель государства, находившегося в непосредственной близости от Хазарии. Принятие его означало заявку на независимость от крупнейшей в регионе державы. Несомненно, что такая заявка могла исходить толь-

ко от государства, которое само претендовало на статус империи, т. е. распространило свою власть на окрестные народы. Всё это предполагало соперничество с Хазарией в борьбе за господство в данном регионе.

Согласно летописи дань хазарам платили те племена восточных славян, что располагались на юго-восточной окраине славянского расселения – поляне, северяне, радимичи, вятичи. Далее руки хазар не доставали. Новгород и прочие северные земли оставались вне сферы их влияния. Племена севера лишь торговали с хазарами, интересы их не пересекались, отношения были взаимовыгодными, и для соперничества повода не было. Поэтому теория возникновения каганата на севере – в Новгороде или на верхней Волге, представляется надуманной.

Вряд ли справедлива и версия о возникновении Русского каганата в Приазовье, хотя у русов там, по-видимому, владения имелись. Из сообщения Бертинских анналов можно понять, что император Византии выражал опасение о безопасности возвращения русских послов тем же путём, так как он пролегал по землям «варварских свирепых народов». Значит, каганат находился не в приморской местности, а в глубине материка.

В несколько более позднее время каганами на Руси титуловали великих киевских князей. Естественно предположить, что Русский каганат возник именно здесь, в столице будущей (Киевской) Руси. Но для первой половины IX века

блестящий расцвет Киева был ещё впереди, а тогда на его месте существовали лишь три небольших поселения. Приведём известный фрагмент из трактата Константина Багрянородного: «О росах, отправляющихся с моноксилами из России в Константинополь... приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас». Здесь отнесены к «внешней» России не только Новгород и Смоленск, но и Чернигов, Любеч и даже Вышгород, находившийся в полутора десятках вёрст от Киева! Вышгород впервые упомянут в летописи под 946 годом. По-видимому, город был поставлен княгиней Ольгой сразу после подавления восстания древлян, как форпост русской власти на древлянской земле.

Сведения Порфириогенета подтверждают вывод Рыбакова о том, что первоначальным ядром Русской земли была территория от Киева до Поросья с прилегающей частью левобережья. Но в таком случае Киев изначально вовсе не являлся её центром. Он располагался в те времена на северо-западной окраине Русской земли и служил пограничной крепостью, прикрывавшей переправу через Днепр. Это его значение отразилось и в названии киевской крепости, приведённом Константином – Самватас. По одной из версий оно происходит от финно-угорского *Sampoteso*, что означает погра-

ничный или жежевой камень³².

С учётом вышеизложенного, версия Салтово-Маяцкой культуры, как ядра Русского каганата, разработанная Е.С. Галкиной, выглядит предпочтительней. Действительно, большие населённые города, белокаменные крепости, высоко развитое ремесленное производство, чеканка монеты, руническое письмо, богатые клады арабских дирхемов. Всё это вкуче характеризует вполне сложившееся государство. И ничего этого ещё не было в начале IX века в земле полян. В то время как салтовская культура находилась на магистральном торговом пути по Дону и его притокам, днепровский путь ещё не действовал. Район Северского Донца занимал центральное положение между Днепром и Доном, а Киевская земля представляла собой лишь западную окраину подвластных русам территорий.

Русский каганат просуществовал недолго. Образовался он из земель, подвластных до того Хазарскому каганату. Случилось это, видимо, в начале IX века. В результате религиозного переворота, введения раввинического иудаизма в качестве государственной религии, в Хазарии разразилась гражданская война. Подобные события всегда подхлёстывают окраинный сепаратизм. Часть хазарской знати, недовольная реформой, могла поднять на борьбу западные территории империи, или местная знать сочла момент удобным для

---

³² Ульянов Н. И. Происхождение украинцев и великороссов в свете сепаратистской «науки». // <http://русскоедвижение.pf/index.php/history/52-articles/13285-qq>

отделения от Хазарии. Как бы то ни было, но верхнедонские алано-русы провозгласили независимость, образовав собственный Русский каганат. В состав его вошли не только собственно салтовская земля, но и земля полян, под властью родственных салтовцам поднепровских алано-русов. В зависимость от каганата попали окрестные славянские племена. Вполне возможно, и болгарское население правобережья Нижнего Дона и Приазовья. Алано-русы Восточного Крыма также должны были войти в состав Русского каганата. Таким образом, возникло государство по территории вполне сопоставимое с Хазарским каганатом, в полном смысле держава – соперник последнего.

Легко понять, что для Хазарии появление такого соседа означало смертельную угрозу для существования. Хазарский каганат напрягает все свои ещё немалые силы для уничтожения соперника. О конкретных перипетиях борьбы, увы, ничего не известно. Кроме своих собственных сил хазары могли привлечь союзных кочевников мадьяр. Последние по некоторым данным обитали в начале IX века в своей области Леведии в верховьях Дона, будучи северо-восточными соседями салтовцев. Население, говорившее на мадьярском языке, было известно в тех местах ещё во времена Золотой Орды³³. Хазары также могли использовать наёмных печенегов. Именно они составляли гарнизон Саркела. Как бы там

---

³³ Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997. С. 159, 163.

ни было, но салтовцы не смогли противостоять двинутым против них хазарами силам. Ядро каганата в верховьях Северского Донца и Оскола было разгромлено. По всей видимости, в связи с перипетиями этой борьбы было направлено посольство от хакана русов в Константинополь. Своей цели оно не добилося. Византия предпочла поддержать Хазарию и помогла ей построить мощную крепость Саркел, а возможно и чем-то ещё.

После разгрома ядра Русского каганата на Донце, уцелевшая знать «рода русского» бежала к славянам, в том числе и в Среднее Поднепровье. Отныне титул хакана росов за неимением других претендентов переходит к правителю земли полян. Отныне населяющие эту землю славяне и ослабевшие потомки алано-русов и представители других этносов, влившиеся в русский род, – болгары, финно-угры, варяги-скандинавы, – становятся русью по преимуществу. На территории же салтовской культуры, в верховьях Северского Донца утверждается сфера влияния тюркских кочевых племён – сначала печенегов, затем половцев. Донские аланы остаются под их властью и влиянием. Таким образом, две ветви алано-русов в Северном Причерноморье окончательно разделяются. Одна постепенно растворяется среди славян Среднего Поднепровья, передав им своё этническое имя. Другая тюркизируется и впоследствии бесследно растворяется среди татар. Арабский географ XII века Идриси упоминает где-то в районе Дона «Русь-тюрк». Видимо, этим терми-

ном были обозначены рус-аланы, потомки салтовцев, жившие по-прежнему на Северском Донце под властью половцев.

Помимо земли полян русы сохранили за собой восточную часть Крыма, Керченский полуостров. Крым издавна служил прибежищем народам, потерпевшим поражение в борьбе за место под солнцем в причерноморских степях. В своё время здесь укрылись побеждённые сарматами скифы. А после гуннского нашествия в Крыму нашли убежище остатки готов и часть алан. Среди последних наверняка были и ала-но-русы. Об этом говорит крымская топонимика – местность Россотар на западном берегу Крыма, деревня Рукуста, боспорский город Малоросса, который упоминает Равеннский Аноним. Здесь же, в Крыму, Константин Солунский в ходе своей миссии в Хазарию обнаружил «русские» письма (по-видимому, аланское руническое письмо). По более поздним византийским и арабским источникам известны город и область Росия (Русия), расположенные на Киммерийском Боспоре (Керченский полуостров). В 867 году византийцами здесь была учреждена русская епископия, о чём торжественно объявил константинопольский патриарх.

В Крыму аланы смешались со скифо-иранским населением, готами и остатками древних племён тавров. Вся эта масса населения различного этнического происхождения в описываемое время была преимущественно сарматоязычной. В IX веке к ней добавились русы-скандинавы, добравшиеся

туда по Днепру и Дону через русские владения на Донце и в Поднепровье. По-видимому, в восточном Крыму в первой половине IX века образовалось автономное русское княжество, вассальное Русскому каганату. Это боспорское княжество позднее принимало активное участие в походах руси на Византию и в Каспийское море. После гибели каганата на Донце русское княжество в Крыму уцелело, поскольку хазары в результате гражданской войны утратили свою власть над Крымом. Владения хазар в Крыму перешли к Византии. За исключением, по всей видимости, только боспорского княжества русов, сохранившего свою автономию, как мы увидим впоследствии. Здесь образовалась опорная база всех русов для морских походов на владения Византии и Халифата. Ещё от конца VIII века есть известие о нападении руси на город Сурож (Судак) в Крыму. Достоверность известия как будто подтверждается именем вождя нападавших – Бравлин, которое очень похоже на имя готского епископа Браулинон, упомянутого испанским писателем VII века Исидором Севильским. Готы, как известно, в Крыму проживали. Есть ещё сообщение о нападении руссов на Амастриду в Пафлагонии (предположительно 1-я пол. IX века), но до нас наверняка дошли лишь немногие сообщения о подобных мелких набегах. Хронология данных сообщений под вопросом, так как информация дошла до нас лишь в позднейших житиях святых, которые являются источником довольно своеобразным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.